

№5

Май 2022

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

 ВТБ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rsmagazine.ge
www.russianclub.ge

И.о. главного редактора
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель и.о. главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5 (199)
Май 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 НАШИ ПАВШИЕ – КАК ЧАСОВЫЕ...
- 10 СОФИКО ЧИАУРЕЛИ. НАЙТИ ЖЕНЩИНУ
ИГОРЬ ОБОЛЕНСКИЙ
- 15 С ЛЮБОВЬЮ К ГРУЗИИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 21 НАШ ЛЕТОПИСЕЦ
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СЕРДЦЕ ТБИЛИСИ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 34 ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО МАЭСТРО
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 37 ПОСТМОДЕРНИСТ С ЛЕНИНГРАДСКОГО ДВОРА
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 44 СЕКРЕТЫ ТАИНСТВЕННОГО ЖАНРА
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 50 «СИЛЫ ПРИДАЕТ ЛЮБОВЬ»
- 53 ПРОЩАНИЕ И ВОСПОМИНАНИЕ...

На обложке: Зардалишвили Шота Иванович (1922-1996). Участник Второй мировой войны. Служил в рядах Красной Армии с 1940 года. Воевал на Степном и II Украинском фронтах, участвовал в освобождении Венгрии и Чехословакии, командовал батальоном. Награжден 5-ю орденами и 14-ю медалями. Генерал-майор. С 1976 по 1985 год занимал пост заместителя председателя Комитета государственной безопасности Грузии.

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

«ОСКАР» FOREVER!

Наверное, это самая желанная премия в мире кинематографии. Признайтесь, к исходу зимы мы все нет-нет да и следим, когда появятся сообщения о победителях премии «Оскар». А многие не отказывают себе в удовольствии смотреть ежегодную яркую церемонию вручения. Правда, частенько нас охватывает досада, что выиграли не те, кого ждали. Особенно в последние годы с их толерантным угаром, агрессивным феминизмом, расовыми проблемами BLM и капризными нетрадиционными меньшинствами. И все дружно ругают таинственную Академию, в которую, по слухам, входят несколько сот анонимных отборщиков и арбитров, которые и присуждают заветные «Оскары». И все считают, что они не любят фильмы, которые обожают зрители во всем мире, и выбирают подчас неяркие и малоинтересные картины. А выбор актеров-лауреатов вообще представляет собой рулетку, когда известнейшие

и любимые кинозвезды годами не получают ничего. Так вот, эта авторитетная компания присуждающих называется официально Американская академия кинематографических искусств и наук. И общее количество членов Академии, имеющих право голоса, на данный момент аж 8298 человек! Многовато, пожалуй. Но так задумано отцом-основателем, чтобы решения жюри были беспристрастнее. Ведь создал «Оскара» 5 мая 1927 года очень умный человек – всесильный и грозный владелец кинокомпании MGM Луис Барт Майер, а по правде – урожденный минчанин по имени Лазарь Яковлевич Мейер. Так-то, господа.

ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН

Прекрасный тюльпан – раньше других цветов радующий нас весной. Согласно легенде, его принесли с собой лихие тюркские всадники-завоеватели – очевидно, цветок им напомнил о покинутой родине в Средней Азии. А искусные персидские садоводы вывели чудесные садовые разновидности тюльпанов. В Европу тюльпаны попали из Турции и сразу полюбились людям. Все принялись выводить новые сорта тюльпанов разных форм и расцветок, особенно в этом преуспели в Голландии. Тюльпаномания превратилась в своеобразный спорт. Ежегодно по весне проводились выставки-ярмарки, где выбирались тюльпаны-чемпионы, а садоводам выдавались солидные призы. В XVII веке в голландском Харлеме объявили конкурс с призом в 100 000 гульденов тому, кто выведет тюльпан черного цвета. И много лет ни у кого ничего не получалось. Но вот в мае 1637 года было пышно объявлено о рождении черного тюльпана. Садовод доктор Корнелиус Ван Берле получил заветную премию за выведенный сорт. Он назвал его в честь любимой жены «Розой Берле». Но, если честно, цветок получился не черным, а темно-темно-фиолетовым. Уже во второй половине XX века в той же Голландии, по

сообщениям прессы, все-таки вывели абсолютно черный тюльпан. Но и он, если взглянуть повнимательнее, тоже не совсем черный, а все-таки фиолетовый.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХРОНОГРАФА

Каких только механизмов не придумало человечество, чтобы измерять время – от самых первых солнечных часов, древнейшие из которых были найдены археологами в гробницах Древнего Египта, от водяных и песочных часов Китая, Европы и средневекового Востока. Точное время нужно было знать всем – и астрономам, и мореплавателям, и ученым, и тем, кто занимался техникой. С изобретением механических и электронных часов эта проблема человечеством была решена. Вот уже полтора века мы носим наручные часы, а в последние годы смотрим время на экранах наших мобильных телефонов и мониторах компьютеров. Но есть один из видов наручных часов, которые по-прежнему носят на запястье представители многих профессий – это сверхточные хронометры. Они представляют собой устройства с различным набором функций, кроме демонстрации часов и минут. Такие часы должны показывать мировое время, иметь секундомер, вести отсчет различных промежутков, фиксировать измеренное время и производить обнуление. А многие модели имеют также встроенные глубиномеры и альтиметры для измерения высоты над уровнем моря. Хронометры разных конструкций появлялись в разные годы в разных странах, но официально этот механизм был запатентован 14 мая 1862 года переехавшим в Англию швейцарским часовщиком Адольфом Николем.

К ИЛЬИНСКОМУ ОМУТУ

Когда старый писатель выбирался из шумной и пыльной столицы в свой любимый, недавно купленный в тихой Тарусе домик, то наконец-то мог спокойно выспаться и за ночь отдохнуть. Для его больного сердца здешний климат и здоровый воздух были полезны. Он вставал на заре, облачался в поношенный пиджак и старые брюки, намотав на ступни байковые портянки, надевал на ноги крепкие сапоги и, взяв в руку обструганную ореховую палку, выходил на тихую улочку рядом с впадающей в широкую Оку маленькой речкой Тарусской. Человек шел по спящему городку, здороваясь с редкими встречными молочницами, толкающими тележки с тяжелыми бидонами в сторону базара. Его путь был нелегким, вверх по крутому подъему калужской дороги на Курган и далее вдоль березовой рощи мимо ремонтных мастерских и молокозавода к выходу из города. На скамейке автобусной остановки он недолго отдыхал, переводя дух после тяжелой ходьбы в горку. И далее мимо дачных поселков, минуя деревню с разрушенной в войну церковкой, выходил в поле. Тут можно было вдохнуть влажный от утренней росы воздух и окинуть взглядом широкий открывающийся простор. Как же он любил эти пейзажи! Им он посвятил свои лучшие строки. Его поэтичной «Мещерской стороной» зачитывалось не одно поколение читателей. Сам он считал, что лиричности своего слога он обязан детству на Украине с ее певучей речью – он учился в киевской гимназии в одно время с другим будущим великим писателем Мишей Булгаковым, а позднее учился там же в университете, еще перед Первой мировой. И вообще, его немало побросало по свету, и повидал он немало. Но, главное, он сумел обо всем этом рассказать в своих книгах, и немного найдется мастеров лите-

ратуры, кто делал это так талантливо, так доходчиво и интересно. Вдоволь надышавшись, старый писатель начал спускаться к своему любимому Ильинскому омуту, увековеченному в его чудесной новелле. Разувшись, он повесил на плечо сапоги и вброд перешел неглубокую речку – на другой стороне росло много душистой земляники. Наполнив лукошко, он засобирился домой, чтобы успеть до жары. Но, дойдя до любимой старой липы, расстелил у ее корней пиджак, чтобы полежать и отдохнуть. И, надвинув козырек кепки на глаза, лег и почти сразу задремал. Глядя на этого скромно одетого пожилого мужчину, трудно было себе представить, что он – выдающийся писатель мирового уровня, написавший много литературных произведений, снискавших ему славу. Что он был награжден орденами и удостоен многих премий, что был номинирован на Нобелевскую премию по литературе аж четыре раза, что великая и знаменитая кинодива Марлен Дитрих, его большая поклонница, приехав в Советский Союз, пожелала познакомиться с ним и, встретив его, прикладно опустилась на колени и поцеловала его руку. Этого старого писателя звали Константин Паустовский. В этом мае исполняется 130 лет со дня его рождения. Он был также сценаристом, педагогом, журналистом, военным корреспондентом и переводчиком. А еще он очень любил Грузию, прожил здесь какое-то время, работал в газетах Батуми, Кутаиси и Тбилиси, у него было много друзей среди писателей, поэтов и художников. Он даже был женат на девушке из Тифлиса по имени Валерия, родной сестре знаменитого польского художника Зиги Валишевского, чье детство прошло в нашем любимом городе.

В ПОИСКАХ ВЕЛИКОГО ПИРОСМАНИ

Тбилиси во все времена был нарядным и пестрым городом, увешанным яркими вывесками – это было национальной традицией. Приезжающие в город гости с интересом ходили и рассматривали эти произведения наглядной агитации, восхищаясь выдумкой неизвестных мастеров. В начале XX века искусство наружной рекламы расцвело особенно активно. Пестрые зазывающие картины висели у входов в бесчисленные лавки, встречались целые декоративные фризы на карнизах домов, стены многих духанов были расписаны яркими цветами, фигурами людей и зверей. А базары представляли собой калейдоскоп цветов, образов и букв. Художников-вывесников было немало, и они, чтобы не мешать друг

другу работать, поделили город на зоны – кто-то работал на левом берегу Куры, кто-то на правом, кто-то в Соллоаки, а кто-то на Авлабаре. Дело было в 1912 году. Приехавшие молодые живописцы из Петербурга, Киева и Москвы вместе с тифлисскими друзьями, раскрыв рты, ходили среди пестрого пиршества базарных вывесок. А один из них, обрусевший француз Михаил Ле-Данто сказал, что с таким всеобщим живописным мышлением грузин здесь точно найдется художник-фресочник уровня великого флорентийца Джотто. А еще сказал, что он его непременно найдет. И Ле-Данто углубился в глубь торговых кварталов. Через несколько дней он появился с своих друзей братьев Зданевичей с архимедовым криком: «Эврика! Нашел!» Он повел их в духан, где на стене висели две необычайно выразительные картины. Так были найдены работы Нико Пиросмани. Но самого художника они найти не смогли. Владельцы духанов отвечали невнятно: мол, зовут его Никала, сейчас здесь нету, приходил-приносил, ушел день назад, неделю назад, полчас назад. И тогда энергичные молодые люди затеяли самую настоящую поисковую операцию. Было решено исследовать все духаны и базары Тифлиса. Вместе с братьями Зданевичами и Михаилом Ле-Данто к поискам подключились поэты Колау Чернявский и Кара-Дервиш, молодые грузинские художники Ладо Гудиашвили и Михаил Чиаурели. К ним примкнул пятнадцатилетний Зига Валишевский, тоже в будущем выдающийся художник. Кстати, именно он оказался поначалу самым везучим – нашел закусочную в глубоком подвале, где висели сейчас широко известные картины Пиросмани «Фуникулер» и «Медведь под луной». Но загадочный художник был неуловим до тех пор, пока самый настойчивый из искателей Илья Зданевич, обходивший один за другим базары на левом берегу в поисках Пиросмани, не услышал за спиной: «Я – Никала. Что тебе надо?» Он обернулся... Так началась история всемирного признания великого грузинского художника-самоучки.

Парк Ваке в Тбилиси. Памятник Неизвестному солдату

НАШИ ПАВШИЕ – КАК ЧАСОВЫЕ...

■ Соб. инф.

*Это нужно – не мертвым!
Это надо – живым!
Вспомним гордо и прямо погибших в борьбе...
Есть великое право: забывать о себе!*

Роберт Рождественский

В преддверии 9 мая особо остро мы ощущаем связь времен. Живая память – это память потомков. Пока помним мы – живы наши предки.

Песни фронтовых лет отзываются в наших сердцах горше, глуше... Любимые фильмы «Отец солдата» и «Гимн бичеби» («Ну и молодежь!») Резо Чхеидзе, «В бой идут одни старики» Леонида Быкова, «А зори здесь тихие» Станислава Ростоцкого вновь всколыхнут все самое светлое, что есть в нас.

По рассказам бабушек и дедушек – ох, как они не любили рассказывать о тех временах, как приходилось выпытывать, выуживать каждое слово, каждую деталь, – мы знали, что День Победы «приближали как могли»...

9 мая не нужно было никаких слов. Все читалось в их глазах.

В Парке Ваке прошло мое с братом детство. И мы очень любили бегать среди скульптур, нарезая круги вокруг монумента – скорбной фигуры, лежащей в середине ансамбля, словно обрамленной елями. И я отчетливо помню слова старших:

– Не бегайте. Мертвым нужна тишина...

9 мая мы всем классом приходили возлагать цветы к Вечному огню... Сквозь поколения приходит понимание хрупкости нашего мира.

Память сердца всегда хранит эти воспоминания.

И подвиг советского солдата не отнять никому, не перечеркнуть и не запятнать.

Евгений Янушек

Виктор Михайлов

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ Алена ДЕНЯГА

9 мая мы собирались всей семьей в доме Янушеков. Евгений Георгиевич Янушек, дядя Женя, был другом дедушки, фронтовик. Всю войну он прошел не в действующей армии: его части занимались реставрацией военной техники. Инженер-подполковник, он служил во 2-м отдельном автотранспортном батальоне, отдельной автотранспортной роте 51 армии, затем в Уральском военном округе, на Украинском фронте.

В школьные годы я очень любила рассматривать его медали – эта «За оборону Кавказа», эта «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Орден Красной Звезды...

Мой дедушка был сыном «врага народа». Перед войной он был сослан из Москвы в Вытегру. Какой-то внутренний комплекс, незакрытый гештальт, остался с ним на всю жизнь. И в этот праздничный день у дедушки были всегда грустные глаза...

А дедушка моего двоюродного брата много рассказывал нам о войне. Виктор Никитович Михайлов – потомственный казак. Он был призван в августе 1941-го РВК района имени 26 Комиссаров г. Тбилиси. В начале войны служил на флоте и участвовал в обстреле города-порта Констанцы в Румынии. Затем служил в 40-й отдельной разведывательной роте, 37-й гвардейской стрелковой дивизии. Принимал участие в обороне Севастополя, Сталинградской битве, Берлинской операции. Среди его боевых наград – Орден Отечественной войны II и I степени, Орден Александра Невского, Орден Красной Звезды...

Светлая память всем ушедшим!

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ... Димитрий КОБУЛАШВИЛИ

Мне было 15 лет, когда не стало моего деда. Но я хорошо помню его рассказы о тех годах, о фронтовых товарищах.

В 1941-м Дмитрий Васильевич Острик – из села Михайловка Черкасской области (Каминка) – после выпускного ушел на войну. В семье росло шестеро детей, и мой дед был за старшего. Отправили его на Кавказский фронт. Первое легкое ранение получил под Моздоком – в ногу, выше колена. А через год – был ранен в голову. Его комиссовали в Тбилиси, где он поступил в Высшую школу начальственного состава. Позже работал участковым в районе Навтлуги. Так и остался в структуре МВД. Преподавал в Школе милиции г. Тбилиси. Дослужился до майора и начальника канцелярии Школы.

А вот дедушкин младший брат Мефодий Васильевич дожил до наших дней. Когда немцы перерезали трассу Москва-Одесса и вошли в Михайловку, Мефодий был угнан в Германию на работы. Ему тогда было 16 лет. Он рассказывал, что его трижды забирали у родителей, и он трижды бежал. Но чтобы не подставлять семью, чтобы не отобрали последнюю корову и родные не остались без средств на существование, Мефодий смирился и четвертую попытку побега не предпринял. Работал на заводе. Спустя 2 года, когда американцы разбомбили ограждение охраняемой территории, бежал с другими пленными рабочими к своим на линию фронта. Так с 1943 года Мефодий Острик попал в состав Советской армии. Четыре года отслужил – сперва в Германии, а затем его перевели в Вахрушево. Осел в городе Каменске. По сей день больше всего он гордится медалью «За взятие Берлина»...

Дмитрий Острик с внуками

Мефодий Острик

НЕ ПРИВЕДИ ГОСПОДЬ! Имеда СИНАТАШВИЛИ

Мой прадедушка, Иван Андреевич Кривонос, во время войны сражался в партизанском отряде. В Беларуси, где погиб каждый четвертый... Партизанский отряд в Закутье Могилевской области насчитывал сначала 25 человек, потом их число дошло до 80. Живыми вернулись только 17. Прадедушку ранили в руку, а еще в груди у него застряла фашистская пуля, и он до конца жизни чувствовал ее, а потом в возрасте 77 лет погиб от того, что она поменяла положение и задела сердце, это произошло мгновенно... Через много лет после войны погиб от фашистской пули. Война так и не отпускала его все эти годы... И еще: он никогда ничего о войне не рассказывал. Когда спрашивали, отвечал: «Не приведи Господь!»

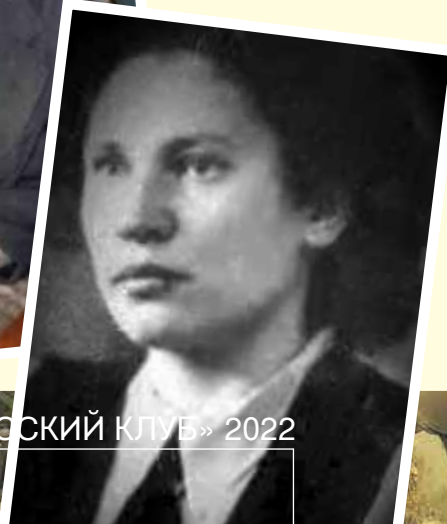
А еще я знаю о войне вот что. Моя мама, когда я был маленьким, часто рассматривала мои руки. Внимательно так рассматривала. А я удивлялся. Оказывается, и ее мама, моя бабушка, тоже точно так же рассматривала мамини руки. Потом я узнал страшную причину этого. Во время войны в Беларуси фашисты выстроили маленьких детей, закрыли им лица, а матерям предложили узнать по рукам своих. Кто узнавал, тем отдавали детей, а тех детей, чьи ручки не узнали, закинули в грузовик и увезли в Германию. Это было ужасно. Бедные матери металась в истерике, некоторые сошли с ума от горя, что не смогли узнать своего ребенка. А фашисты так развлекались... Мамина бабушка, Настя Ачинович, узнала по ручкам обоих своих детей, сразу же забрала их домой. А через два дня ее, молодую и красивую, беременную, смертельно ранили осколком в собственном саду. Дети осиротели.

У меня пока нет собственных детей, но, когда они появятся, не хочу рассматривать их руки в страхе, что мне это понадобится. Не приведи Господь!

Иван Кривонос

Настя Ачинович

Прасковья Петкилева

МЫСЛЕННО Я СЕЙЧАС ТАМ... Ольга МАКЕЕВА

Бабушка приезжала редко. Мы жили в городе, она за городом, рядом с Волгой. Добираться надо было сначала на электричке, потом на троллейбусе. В общей сложности около полутора часов. В детстве мне казалось, что это чудовищно долго.

Мы сидим за письменным столом, бабушка помогает делать «домашку» по математике. За окном снег. И на него смотреть куда интереснее, чем на уравнения в тетради.

– Хватит считать ворон, делай уроки, – строго говорит бабушка. И я снова утыкаюсь носом в учебник и продолжаю виртуозно тупить. Но в какой-то момент бабушке удается привлечь мое внимание и доходчиво объяснить принцип решения уравнений. Я с горем пополам доделываю математику и с облегчением вскакиваю из-за стола. Бабушка улыбается, смотрит на меня, как на глупого шаловливого козленка. И вдруг говорит: «А я тебе виноград привезла, дамские пальчики». Я не верю своим глазам. Знаю, что на базаре вот эта сочная гроздь стоит половину бабушкиной пенсии. Я обнимаю ее, а она смеется и отталкивает меня. Непривычная была к проявлению ласки. Такой мне запомнилась моя бабушка в тот снежный день с гроздью сладкого и сочного винограда.

Она прошла всю войну. После летного училища записалась добровольцем на фронт. В полку Марины Расковой сначала была вооруженцем – подвешивала 50-килограммовые бомбы к фанерным кукурузникам, а потом стала штурманом и летала по ночам бомбить фашистов. Немцы прозвали их полк «Ночные ведьмы». А моей «ведьме» было 19 лет. В кабине самолета она летала стоя, потому что была маленького роста. В один

из ночных полетов за их самолетом погнался мессершмитт... И это была верная смерть. Спасла случайность – рядом появился более мощный советский бомбардировщик, который еще не скинул бомбы. Мессер переключился и погнался за ним. Только это и спасло их в ту ночь...

Бабушка редко рассказывала о войне. Для нее, как и для всех, кто побывал в этой мясорубке и выжил, это была чудовищная психологическая травма на всю жизнь.

Благодарна моим бабушкам и дедушкам, прошедшим войну и выжившим.

Светлая им память.

Горжусь, что все медали, ордена, военные и летные книжки, личные вещи моих родных, а также рассказы о днях войны, записанные со слов бабушек и дедушек, мы с мамой передали в Музей боевой славы Саратовской области на Соколовой горе. Мысленно я сейчас там...

Бабушка Мара с Асенькой и Димой

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, БАБУШКА... Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Наверное, люди моего поколения, родившиеся в семидесятых, в детстве часто слышали от бабушек: «Ешь, доедай... Нельзя еду на тарелке оставлять... Не кроши хлеб, каждая крошка дорога...»

Я слышала это каждый раз, когда капризничала, отказывалась от какого-нибудь блюда или вела себя, как поросенок. Но я очень любила бабушку, давилась и доедала, спрашивая – ну почему, почему надо все съесть? Довольно долго бабушка мне ничего не объясняла. А когда я подросла, пошла в школу, однажды подозвала меня, усадила рядом, раскрыла семейный фотоальбом и показала фотографию красивого молодого человека. «Это твой дядя Дима, – сказала бабушка. – Он был старше Асеньки (так звали мою тетю). Красивый, правда? Когда началась война, он был студентом. Просился добровольцем на фронт, хотя у него была «бронь». Ему наотрез отказали – таких, мол, людей в тылу не хватает. Твой дедушка погиб в горах – не вернулся из специ-

альной геологической экспедиции. Я работала на трех работах, стараясь прокормить троих детей – Диму, Асеньку и твою маму Оленьку. Тяжело было. Еды не было, денег не хватало, хлеб по карточкам... И вот пришла беда – Дима заболел. Началось с простуды, потом появился кашель... Врачи сказали, что у него туберкулез. Организм и так ослаб от недоедания, а тут такая болезнь... В то время это был страшный диагноз, лекарств от туберкулеза не было. Решили Оленьку, ей ведь всего четыре годика было, отправить в деревню к родственникам, чтобы не заразилась, да и питалась бы хоть чуточку лучше. А я так и бегала с работы на работу, Асенька помогала ухаживать за Димой... Но мы его не спасли. Пожалуйста, ешь как следует, слава Богу, войны нет! У тебя был такой хороший дядя...»

Война не обошла стороной ни одну семью в стране.

В память о близких, погибших на фронте и в тылу, мы должны жить. И быть благодарными за то, что живем на этом свете. И любить. И помнить...

СОФИКО ЧИАУРЕЛИ. НАЙТИ ЖЕНЩИНУ

— Игорь ОБОЛЕНСКИЙ

Когда-нибудь я напишу о ней особую книгу. О моей Софико. А пока – эти несколько страниц объяснения в любви...

Георгий Шенгелая, Софико Чиаурели, Верико Анджaparидзе, Михаил Чиаурели

Пару месяцев назад на одном из многочисленных теперь каналов, где то и дело показывают старые советские фильмы, увидел знакомые кадры.

«Ищите женщину» Аллы Ильиничны Суриковой я знаю, кажется, наизусть. И все равно не смог отказать себе в удовольствии: уселся перед экраном и провел волшебные минуты, наблюдая за филигранной игрой Сергея Юрского, Леонида Куравлева и, конечно, Софико Чиаурели.

Для меня этот фильм по-прежнему – один из самых любимых. Вовсе не из-за выдающейся режиссуры или гениального сценария.

Дело в Софико!

В «Ищите женщину» я впервые увидел Чиаурели, увлекся ее обаянием и талантом, и решил во что бы то ни стало познакомиться.

И вот удача: Софико Чиаурели прилетает в Москву!

В Доме актера на Арбате проходил, кажется, ее творческий вечер. По окончании я пробрался за кулисы и, к собственной неожиданности, очень легко получил согласие на интервью.

Впрочем, самое главное для меня уже свершилось: я уже увидел перед собой такое знакомое и, как мне представлялось, род-

ное лицо, встретился с озорным взглядом, услышал этот поющий голос с чуть заметным акцентом.

А на другой день случилась моя первая встреча с Софико, или Софией Михайловной, как я первое время обращался к актрисе. Не знал, что в Грузии нет отчества, и к женщине нужно обращаться просто по имени, добавив слово «калбатано» («госпожа», если перевести на русский).

И тут же – штрих к портрету моей героини. Имя Чиаурели – София. Но все – и в Москве, и в Грузии, да всюду – называли ее именно «Софико», что можно перевести как «Сонечка».

Потом, когда мы уже совсем познакомимся, и я запишу воспоминания не только Чиаурели, но и ее друзей Нани Бреговдзе и Вахтанга Кикабидзе, то назову книгу о них «Нани, Буба, Софико». Разве не уникальный случай, когда этого было достаточно, чтобы стало ясно, о ком идет речь?

Это ли не настоящая любовь, которая не нуждается в пояснениях?

Софико такой и была – безусловно любимой. Не только нами, зрителями, но и теми, кто входил в ее ближний круг.

Не забуду, как пришел в гости к Нани Бреговдзе, чтобы погово-

рить ее рассказать о себе для книги, главу которой хотел посвятить великой певице.

Лишь когда калбатони Нани узнала, что еще одной героиней станет ее обожаемая Софико, она согласилась. Сказала только, что про себя сможет рассказать на пару страниц, а вот про красавицу и умницу Софико получится целый том.

Чиаурели уже несколько лет не было в живых, а у Нани каждый раз появлялись на глазах слезы, когда она начинала говорить о подруге.

Они были вместе не только в жизни, но и на экране. Если героине Чиаурели предстояло петь, то за нее это делала Нани Бреговдзе. И, наоборот, если Нани снималась в драматической роли, ее дублировала именно Софико.

Однажды подруги устроили такой розыгрыш. Вышли вдвоем на сцену, встали у микрофона, но Нани только открывала рот, а говорила за нее Софико. Потом менялись местами. Успех был невероятный!

Наш первый разговор с Софико случился в московской гостинице. Удивительное дело: мне не раз потом доводилось оказываться в том отеле, но каждый раз лишь одна ассоциация с одеты-

Кадр из фильма «Ищите женщину»

ми в зеркальные стекла окнами – здесь я впервые беседовал с Чиаурели.

И, увы, первый и последний раз увидел Котэ Махарадзе, легендарного спортивного комментатора и актера, мужа Софики.

Не забуду, как едва перешагнув порог гостиничного номера знаменитой пары, увидел улыбающегося Котэ, который протянул мне руку.

«Здравствуйте, я давний любовник Софики. Именно так обо мне написали в одной из московских газет», – сказал Махарадзе. И тут же строго заметил, что в номере разговаривать он нам не позволит, так как скоро по телевизору начнется футбольный матч, пропустить который он никак не может.

В итоге мы с Софией Михайловной вышли в холл, где и поговорили.

«О чем будет интервью? – спросила София Михайловна. – Обо всем понемногу? Нет, так

неинтересно. Давайте о любви. Согласны?»

Еще бы я возражал! Напротив меня сидит любимая актриса, величаво обмахивает себя старинным веером, да еще и про любовь собирается говорить...

Так все начиналось. А спустя несколько лет я уже сам прилетел в Тбилиси. Котэ уже не было в живых. Запомнил, как много фотографий Махарадзе было в доме актрисы. И, конечно, она то и дело называла его имя в своих воспоминаниях.

Я очень счастлив, что успел снять о Чиаурели фильм из цикла «Место гения». Это документальный телевизионный проект, но мне очень хотелось устроить премьеру как полагается – со зрителями в зале, с большим экраном. И это случилось все в том же Доме актере на Арбате. Такой круг судьбы получился.

После того, как погас свет и на экране появились первые кадры с улочками Тбилиси, я взглянул

на лица зрителей и почувствовал себя очень счастливым!

А потом и сам незаметно увлекся собственным фильмом и совершил еще одно путешествие по теплому городу и судьбе любимой Сонечки.

Все начиналось на Горе Раздумий. И для меня, и когда-то для самой Софики.

В Тбилиси я убедился, как Чиаурели любят дома!

Когда она диктовала мне свой домашний адрес, я внимательно записывал, чтобы передать таксисту. Ну откуда мне было знать, что дом Чиаурели на Пикрис-гора все могут показать и так?

Стоило мне назвать таксисту имя Софики, как он сразу понял, куда надо ехать. При этом сама актриса, когда на одной из церемоний ее назвали «легендой», поправила ведущего, сказав, что этот титул к ней не имеет никакого отношения. В шутку она называла себя народной артисткой «исчезнувшей цивилизации».

А с Пикрис-гора связана романтическая история. Много лет назад здесь состоялось первое свидание и первый поцелуй родителей Софики – известного режиссера Михаила Чиаурели и прославленной грузинской актрисы Верико Анджапаридзе. В знак своей любви Чиаурели пообещал построить на Пикрис-гора дом. И свое обещание выполнил.

Подъезжая, я представлял себе, что увижу старинный, может даже, ветхий особняк, но с неизменным тбилиским балконом и вьющейся по нему виноградной лозой.

Балкон с лозой был, а вот дом показался мне вовсе не старым. Да еще и с лающей собакой за оградой.

Софики, кажется, не выпускала маленького рыжего пекинеса из рук. Такой она тогда мне и запомнилась – маленькая хозяйка большого дома, гостеприимная и остроумная дама с собачкой.

Дом на Пикрис-гора жив и сегодня. Он находится на улице, которая носит имя великой матери Чиаурели – Верико Анджапаридзе.

Первое, что встречает каждого гостя, – афиши фильмов, в которых снималась Чиаурели. И старинный киноаппарат. Хозяином ведь был знаменитый режиссер Михаил Чиаурели.

Софико не стало в 2008 году. Но дети актрисы все сохранили так, словно она отлучилась на репетицию в театр или отправилась в киноэкспедицию.

В таких местах понимаешь, что такое Место гениев.

Каких гостей здесь только не было! Во время войны в Тбилиси эвакуировали труппу Московского художественного театра. Великие Владимир Немирович-Данченко, Ольга Книппер-Чехова, Василий Качалов приходили сюда в гости.

Софико передавала слова матери, как они могли ночь напролет читать стихи, говорить об искусстве и пировать. Представляете, «пировать»! А на столе стояли только черный хлеб и вода.

Сейчас дом немного переделан. А тогда, в сороковые, крыша первого этажа была стеклянной, и маленькая Софико с друзьями лежала на ней и подглядывала за происходящим.

«Все мужчины были немно-

жечко влюблены в маму, – вспоминала она. – Ну, что вы хотите, она же была великой женщиной! Немирович признался ей, после того, как увидел ее «Даму с камелиями»: «Я видел двух «дам» – Элеонору Дузе и Сару Бернар, но вы заставили меня забыть о них. Вы – великая актриса». Влюбленный в маму великий Василий Качалов читал стихи. На память он подарил ей свою фотографию, которую надписал: «Вечно в вас влюбленный».

Верико обожали все! Однажды она пришла на рынок и услышала, как по громкоговорителю объявили: «На нашем рынке сейчас – великая Верико. Надеюсь, никто не посмеет взять с нее деньги».

Актриса тут же развернулась и убежала...

Мужем Верико был Михаил Чиаурели. Он считался другом Сталина, присутствовал на всех его застольях, так как был непревзойденным тамадой. Обожал Сталина, безоговорочно верил

ему. Посвятил ему три фильма – «Падение Берлина», «Незабываемый 1919-й» и «Клятва».

Я спросил Софико, почему ее папа снимал такие фильмы. «Не думаю, что он был наивен, – ответила она. – Скорее, он просто верил Сталину. Верил и любил его».

Чиаурели была замечательной рассказчицей.

Не удержусь и поделюсь ее рассказом о том, как она сама выбрала свое имя.

«Я родилась, и первый месяц у меня не было имени. День моего рождения – это именины Святой Елены. Мама и хотела назвать меня Еленой, а отец – Софией. Между ними месяц шли споры. В итоге, когда мне исполнился месяц, папа написал два этих имени – София и Елена – на бумажках и бросил в папаху. Взял меня на руки, поднес к шапке и запустил в нее мою ручонку. И я достала записку с именем София. Я очень рада, что достала это имя, потому что София – это мудрость. В моем характере две крайности. Со стороны мамы в роду были аристократы. Дедушка служил нотариусом, бабушка училась на Бестужевских курсах в Петербурге. Вспоминала свой поход на какой-то съезд. Рассказывала, что «на трибуне стоял красавец Како, то есть Акакий, Церетели. И вдруг в зале какой-то рыжий парень закричал, что есть такая партия». Это был Ленин».

Верико пережила Михаила на 11 лет. И все эти годы писала ему письма. У них все равно продолжался диалог.

Правда, Софико рассказывала и о других диалогах родителей.

Однажды, пока папа был в командировке, мама, чтобы расплатиться с долгами, продала его американский крайслер и купила «Победу». На которой и отправилась встречать мужа на вокзал. В следующий раз, опять-таки во время командировки мужа, Верико продала «Победу» и встречала Михаила уже на маленьком «Москвиче».

– А потом ты будешь встречать меня на мотоцикле? – спросил он.

– Не угадал! – ответила Верико. – На велосипеде.

Софико признавалась, что

Кадр из фильма «Ашик-Кериб»

Котэ Махарадзе и Софи́ко Чи́аурели. Фото Демико Поладзе

была папиной дочкой. Отец обожал ее. Все время старался помочь деньгами. Присылал денежный перевод, а дочь с однокурсниками его тут же проедали.

«Как-то на день рождения прислал деньги и телеграмму: «Это тебе на торт». Ну я через день ему и ответила: «Торт съели. Пришли на хлеб».

Я не стану пересказывать актерскую биографию Софи́ко Чи́аурели. Об этом можно справиться в энциклопедиях, благо всем членам этой выдающейся и талантливой в них посвящены целые главы.

Мне хочется рассказать о том, что происходило за кулисами внешне благополучной жизни легендарного дома.

Со стороны жизнь выглядела идеально. На самом деле бури не миновали и обитель легенд.

У Верико был старший сын, Рамаз, рожденный в первом браке. В возрасте 49 лет его не стало. Не забуду слов Софи́ко: «Мама очень его любила, и я думала, что она не сможет перенести эту потерю. А мама даже не заплакала. Это было так удивительно для меня. Пока ночью я не услышала, как она воеет в своей комнате. Это был стон раненого зверя. И тогда я поняла, что по-настоящему горе переживается только наедине с собой. Так что

все свое я оставляю на ночь».

Потому, наверное, Софи́ко и смогла принять меня после ухода из жизни ее любимого Котэ.

Это действительно была большая любовь.

Котэ Махарадзе был известен и любим во всем Советском Союзе – и как футбольный комментатор, и как талантливый артист. Здесь, в этом доме, он создал театр одного актера. В Грузии даже ходила шутка, что Махарадзе надо занести в книгу рекордов Гиннеса – за то, что создал театр и назвал его именем тещи.

Ради любви к Котэ Софи́ко совершила своего рода актерский подвиг – всего за один месяц сумела сняться в фильме, который принес ей наибольшую популярность. Я говорю про фильм Аллы Суриковой «Ищите женщину».

Собираясь приступить к съемкам этой картины, режиссер Алла Сурикова полетела в Тбилиси, намереваясь сделать кинопробы Софи́ко. Стоит ли говорить, что все три дня ее пребывания в столице Грузии были заняты более увлекательным делом – одно застолье сменяло другое. Только вернувшись в Москву, Сурикова поняла, что даже не сфотографировала Чи́аурели. В результате она взяла фото актрисы из календаря и представила художественному совету. Пробы были

утверждены.

Тогда-то актриса и поставила жесткое условие, ограничивающее количество съемочных дней. Ее Котэ должен был вернуться из загранкомандировки, и она хотела лично его встретить.

Показывая мне дом, Софи́ко позволила войти в комнату Верико. Она призналась, что долгое время после смерти матери не смела даже коснуться ее вещей – открывала шкаф, чувствовала запах матери, и ей становилось больно.

В последние годы Софи́ко в шутку называли «Софи́ко Агмашенебели» – Софи́ко-Строитель. Она все время что-то строила – перedelывала дом в Тбилиси, строила дачу.

И неизменно помогала всем, кому требовалась ее помощь.

По наследству от великих родителей Софи́ко достался не только талант. Но и мудрость.

Ее слова, сказанные мне на прощание, звучат как завещание: «Сколько я видела закатов! И ведь ни одного одинакового не было! Разве это не счастье? Надо только уметь ценить все это».

Я никогда не забываю эти слова.

И Софи́ко не забываю.

Да это, думаю, и невозможно.

С ЛЮБОВЬЮ К ГРУЗИИ

Продолжение

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевод **АсмаТ ДЖАГМАИДЗЕ**

Подобно Галактиону Табидзе Белла Ахмадулина может сказать: «Иные сны мне видятся во сне, / Не те, что вам». Часто посредством снов она передает нам свои прекрасные, печальные видения, и это в самом деле не были сны простого смертного – на них печать небесного вдохновения и высокой поэзии.

И потому не является неожиданным – из всех произведений Беллы Ахмадулиной, посвященных Грузии, напоенных святой любовью и искренностью – стихотворение «Сны о Грузии». Символично и то, что так же назван сборник ее стихов, поэм, переводов, эссе и воспоминаний, изданный в 1978 году в Тбилиси (эта книга принесла автору громкое имя), сопровождаемый замечательным предисловием критика Гии Маргвелашвили.

Гия Маргвелашвили сделал очень много для укрепления дружбы между русскими и грузинскими литераторами. Грузинскому критику не составило труда ясно представить читателю суть творчества обожаемого поэта, важнейшие особенности этой поэзии, превращенной им в предмет поклонения.

Упомянутое стихотворение,

небольшое, но вместившее в себя огромную любовь, – чистое и прозрачное, как горный ручей, по-пушкински простое, такое, которое трогает струны души:

Сны о Грузии – вот радость!
И под утро так чиста
виноградная сладость,
осенявшая уста.

Белла Ахмадулина превос-

ходно, из первоисточников, знала о том, что Грузия является признанной родиной вина, и даже гордилась этим. Грузинское застолье представлялось ей не столько местом времяпрепровождения, сколько ареной грузинского рыцарства, проявления разума и объяснения в любви... В этом же стихотворении безгранично хвалебными словами увенчано святое для нее место

Осип Мандельштам

– Мцхета и возвышающийся в самом его сердце прославленный храм Светицховели. Две финальные строчки, созданные с точностью и легкостью формулы, отпечатаны в сердце поэта и навечно сохранены в памяти. Сказано не для красного словца; это выстраданные думы, обретенные после долгих наблюдений и рассуждений, действительность, испытанная на себе:

...родины родной суровость,
нежность родины чужой.

Наверное, нелишним будет сказать, что до Беллы Ахмадулиной Грузию и Тбилиси в своих снах видели и другие русские поэты. Один из замечательных представителей Серебряного века, величайший лирик с широким кругозором Осип Мандельштам в знак своей любви к Тбилиси и тоски по нему посвятил нашей столице настоящий шедевр. Тбилиси, местный быт хорошо запомнились поэту. Он до конца жизни помнил, как встречали его грузины, и это отразилось в первых же строках стихотворения, где неповторимый рельеф «фантастического города» описан с пылом и восхищенным вдохновением: «Мне Тифлис горбатый снится...».

Примечательно, что эпиграфом к одному из стихотворений Беллы Ахмадулиной, посвященным Мандельштаму, стали именно эти строки. К настрадавшемуся поэту она обращается так:

То снился он тебе, а ныне – ты ему.
И жизнь твоя теперь – Тифлиса сновиденье.

Залог бессмертия творца – его стихотворение, и приснопамятный пример того – поэт, связавший свое имя с городом-Фениксом, разрушенным врагами и восставшим из пепла, таким, как Тбилиси.

Несмотря на физическую слабость, Мандельштам до конца жизни оставался духовно несломленным. Находясь в доме партийного босса, известного своими авантюрами чекиста Блюмкина, он разорвал заранее подписанные Дзержинским ордера на арест. Его расстреляли бы на следую-

щий же день, не сбеги он в независимую Грузию (эта независимость продлилась около трех лет). Тогда он спасся. Но потом, когда кровавые репрессии в Советском Союзе были в самом разгаре, Мандельштама, с его бесстрашным духом, арест и расправа не миновали.

Я не зря, говоря о любви Беллы Ахмадулиной к Грузии, уже упомянул одного из достойнейших ее предшественников, великого поэта, выдающегося искателя новаторских форм и кристально чистого человека Якова Полонского. В ранний период своей жизни он тесно был связан по службе с Грузией. Прекрасно был знаком с нашим бытом, обычаями. Побывал почти во всех уголках нашей страны, особую любовь питал к Имерети, что в полной мере отразилось в его поэзии.

Большое стихотворение в форме письма «Прогулка по Тифлису» ясно показывает, насколько богата и разнообразна словесная палитра Полонского. Помещенный в скобки подзаголовок «Письмо к Льву Сергеевичу Пушкину» свидетельствует, что автор отослал его своему другу, младшему брату Александра Сергеевича Пушкина. Письмо датировано 1846 годом. Следуя эпистолярному жанру, Полонский неспешно рассказывает, как после обеда идет прогуляться по Тбилиси. В городе спокойно, а в горах русская армия сражается с Шамилем, там идет кровопролитная битва. Поэт пересекает Мухранский мост и смешивается с толпой на армянском рынке. Он вглядывается в ранее невиданные картины. Тбилиси кажется ему отличным от других городов, ему здесь не скучно. Поэт наблюдает за необычной пестротой, и у него невольно рождаются строчки, обобщающие и выражающие восторг: «Тифлис для живописца есть находка». Кто только не попадаетеся ему на пути – люди разнообразных чинов, ремесел и этноса. В одном ряду перечислены живые истории и неодушевленные предметы, что для действительности XIX века было смелым и непривычным. Полонский сообщает адресату:

Представьте, что в глазах мешаются ослы,
Ковры, солдаты, буйволы, грузины,
Муши, балконы, осетины...

Этот искусный и эффектный способ впоследствии виртуозно улучшил и обогатил Борис Пастернак. Поэт продолжает прогулку по узким улочкам Тбилиси, поднимается к Ереванской заставе, встречает караван навьюченных верблюдов. Слышны звуки бубенцов, длинношее верблюды раздувают ноздри и спесиво смотрят по сторонам. От Мейдана он идет к Абанотубани и глядит на Метехи. Упомянутые места обожала Белла Ахмадулина. Полонский покорно признает, что перо его бессильно описать Тбилиси, но верится с трудом, ведь в этом стихотворении говорится о таких живописных местах. Посмотрите, с каким мастерством описаны окрестности Метехи:

И мнится мне, что каменный карниз
Крутого берега, с нависшими домами,
С балконами, решетками, столбами,
Как декорация в волшебный бенефис,
Роскошно освещен бенгальскими огнями.
Отсюда вижу я – за синими горами

Заря, как жертвенник, пылает и Тифлис
Приветствует прощальными лучами.

Невозможно описать каждый из подобных впечатляющих пассажей. Думаю, что никто из поэтов времен наместника Михаила Воронцова не описывал Тифлис так полно и красочно.

В доказательство приведем мнение фундаментального знатока творчества Полонского И.Б. Мушиной о том, какое большое влияние оказал на поэта Кавказ: «Пребывание на Кавказе обогатило художественное зрение Полонского, обогатило его палитру». Она отмечает, что в стихотворении «Старый сазандар» всего одним искусно найденным эпитетом описан облик Тбилиси, отличающийся от других городов. Нетрудно почувствовать в этой строфе пушкинскую легкость:

Земли, полуднем раскаленной,
Не освежила ночи мгла.
Заснул Тифлис многобалконный;
Гора темна, луна тепла...

Нельзя обойти стороной и тот факт, что Александр Блок, рассуждая о русской поэзии, в числе своих великих учителей без колебания назвал Полонского. Такое признание дорогого стоит.

Перечислим стихотворения Полонского, грузинские по своей тематике: «Грузинка», «Горная дорога в Грузии», «Грузинская песня», «Грузинская ночь», «В Имерети», «После праздника», «Не жди», «Кахетинцу», «Имеретин», «Над развалинами в Имерети», «Старый сазандар», «Выбор уstabаша», «Тамара и певец ее Шота Руставель»...

Особо стоит упомянуть волнующее стихотворение поэта, написанное в час отъезда из Грузии, в котором видно, как искренне любил Яков Полонский нашу страну. Остались позади Крестовый перевал, Казбеги, вот-вот появится Дарьяльское ущелье. С первых же строк мы слышим сердцебиение уезжающего на север поэта:

Неприступный, горами заставленный,
Ты, Кавказ, наш воинственный край, —
Ты, наш город Тифлис знойно-каменный,
Светлой Грузии солнце, прощай!

Слово «Прощай!», сказанное в час расставания со всем дорогим и заветным, утвердилось в русской поэзии после публикации шедеврального обращения Пушкина к волнующемуся морю («Прощай, свободная стихия»), написанного в то время (1824 г.), когда поэт покидал Одессу. Из всех русских поэтов это слово чаще всего применяет Белла Ахмадулина, которую часто одолевала тоска по любимым людям, местам или желанным мгновениям. Наполненные благодарностью строчки Полонского полностью совпадают с душевным стремлением Беллы Ахмадулиной, с ее безграничной любовью к Грузии. Она, подобно великому русскому поэту, также подолгу жила в Грузии и считала Тбилиси родным городом. И потому сейчас будет вполне естественным рассмотреть один из впечатляющих, с начала до конца наполненных волнением шедевров из книги «Сны о Грузии». Речь идет о «Стихотворении, написанном во время бессонницы в

Тбилиси». Белла дотемна находилась в Мцхета, от радости танцевала под луной, а на стену Светицховели в свете свечей падала ее трепещущая тень. Последовательно повторяющееся в начале строк слово «мне» непривычным образом напрягает, усиливает и ускоряет ритм. По приезде в Тбилиси поэт взбудоражен от переизбытка чувств. После такого возбуждения (а пребывание в Мцхета не обошлось бы без вина) сложно заснуть, но сон желанен, чтобы Грузия вновь и вновь приснилась во сне. Все ее существо, все мысли стремятся к Тбилиси, оплетают подобно виноградной лозе:

Мне — пляшущей под мцхетскую луной,
мне — плачущей любовью мышцей в теле,
мне — ставшей тенью, слабою длиною,
не умещенной в храм Свети-Цховели,
мне — обнаженной ниткой серебра,
продернутой в твою иглу, Тбилиси,
мне — жившей под звездой, до утра,
озябшей до крови в твоей теплице,
мне — не умевшей засыпать в ночах,
безумьем растлевающей знакомых,
имеющей зрачок коня в очах,
отпрянувшей от снов, как от загонов,
мне — в час зари поющей на мосту:
«Прости нам, утро, прегрешенья наши.
Обугленных желудков нищету
позолоти своим подарком, хаши»,
мне — скачущей наискосок и вспятой
в бессоннице, в ее дурной потехе, —
о господи, как мне хотелось спать
в глубокой, словно колыбель, постели.

Мощнейшая финальная строфа, глубокая цельная метафора, в которой говорится, что поэт стремится вернуться в материнское чрево, где ему, свернувшись калачиком, не видящему солнечного света, спалось крепко-крепко. Данное состояние некоторые психоаналитики сравнивают с райским блаженством, и сколь отраднo, что подобное сверхчеловеческое наслаждение поэт испытывает

Яков Полонский

Симон Чиковани

в Грузии, после увиденных красот нашей земли:

Мозг слеп, словно остывшая звезда.
Пuls тих, как сок в непробужденном древе.
И – снова спать! Спать долго. Спать всегда.
Спать замкнуто, как в материнском чреве.

Если начать разбирать мастерски высказанную и закрученную, как морская ракушка, мысль, стихотворение потеряет свою прелесть и таинственность. Вдохновенно сказанное на языке поэзии обладает несравненно большей силой.

Ни в одной стране у Беллы Ахмадулиной не было столько поклонников и почитателей, нигде так не жаждали ее приезда, как в Тбилиси; здесь она никогда не чувствовала себя гостьей, тем более – туристкой, кварталы старого Тбилиси были для нее такими же родными, как Таганка или Арбат в Москве.

Я видел, какую отеческую заботу проявлял к ней Симон Чиковани. Они часами беседовали в саду Союза писателей на улице Мачабели. Когда Симон Чиковани послал ей строки о старой Мцхете, то написал, что никто в России, кроме нее, не сможет перевести эти стихи. И действительно, из блестящего цикла Белла с большим артистизмом перевела три стихотворения о несравненной красоте Серафите, дочери питашха, безвременно ушедшей из этого мира. Как это и было ей свойственно, Белла не переводила с буквальной точностью. Она всегда старалась постичь дух произведения, поймать интонацию оригинала, сохранить цельность настроения. Со слов сына Симона Чиковани, Нико (Беллу с ним связывала сердечная дружба), я знал, что батони Симон остался доволен переводом.

Много стихов Беллы Ахмадулиной посвящено любимым поэтам прошлых лет и ее современникам. Симону Чиковани, в знак благодарности и почитания, она посвятила одно из лучших стихотворений. В нем столько тепла и любви, что я не могу удержаться и не привести хотя бы одну строфу:

Меж тем все просто: рядом то и это,
и в наше время от зимы до лета
полгода жизни, лета два часа.
И приникаю я лицом к Симону
все тем же летом, тою же зимою,
когда цветам и снегу нет числа.

Талантливейший критик поколения шестидесятых, блестяще образованный литератор с утонченным вкусом Гурам Асатиани всегда с безграничной любовью и почтением относился к поэзии и личности Беллы Ахмадулиной. С восторгом говорил он о неповторимом голосе ее лирики. Авторитетный московский журнал «Вопросы литературы» с удовольствием публиковал его статьи, в которых он особое место уделял заслугам Беллы Ахмадулиной в русской поэзии двадцатого века.

Отдельно стоит отметить то духовное родство, которое испытывали при каждой встрече Белла Ахмадулина и наш поэт с таким же богатым внутренним миром – Анна Каландадзе. Белла так же, до самозабвения, любила и воспевала прекрасные украшения земли – цветы; она так же скорбела об их неизбежной участи скорого увядания, ее сердце сжималось от того, что такая поразительная красота так быстро исчезает. Они часто бывали вместе в разных местах Тбилиси, большей частью – на дружеских застольях, где звучали восторженные тосты. Но и в прогулках по колоритным улочкам города тоже не было недостатка, что ярко выражено в прелестном стихотворении, посвященном Анне. Насколько непосредственными и искренними были их отношения, нам повествует тончайшая и естественная строфа, в которой автор пытается приблизиться к неприкосновенной тайне поэзии Анны:

Позвольте спросить вас: а разве
ваш стих – не такая ж загадка,
как встреча Куры и Арагвы
близ Мцхета во время заката?

Беседа продолжается в очень естественном и приятном тоне, и рядом с собеседницами неотлучно присутствует тень Галактиона, к феномену которого обе испытывают безграничное почтение. И здесь снова хочется привести прекрасный отрывок из этого же стихотворения, который не очень отдаленно напоминает (может быть, это сделано и осознанно) ранее процитированную «Прогулку по Тифлису» Полонского:

Слагала душа потаенно
свой шелест, в награду за это
присутствие Галактиона
равнялось избытку рассвета,
не то, чтобы видимо зренью,
но очевидно для сердца,
и слышалось: – Есмь я и рею
вот здесь, у открытого среза
скалы и домов, что нависли
над бездной Куры близ Метехи.

У Анны Каландадзе есть небольшой опус о том, как рождается стихотворение – вольно, само по себе. В нем Анна уподобляет себя старинному му-

Анна Каландадзе

зыкальному инструменту – свирели. Мотив этот длится еще с античных времен. Древние греки вполне справедливо считали, что поэт – это инструмент в руках высшего вдохновения, и силой свыше из него извлекаются небесные, чарующие звуки. Платон и другие греческие мыслители называли это состояние «божественным умиротворением», что подразумевает пребывание в некоем транс. О значимости вдохновения в творческом процессе писали не раз. Описать словами это редкое явление почти невозможно. В такие моменты многое происходит подсознательно, неосознанно, спонтанно. В упомянутом стихотворении («Что я? Свирель!») грузинская поэтесса это состояние описала метафорически, но просто, безо всяких вступлений и сложных подсказок, так, как и полагается свободно и легко спетой песне. Приведу первую строфу и две финальные строки:

ეს სიხარულის ცრემლებია,
როდი ვტირივარ?
ქარი ჩამბურავს, ავმღერდები:
მე ხომ სტვირი ვარ.

შთამბერე, ქარო,
ნახონ ძალა ჩემი გრძნობისა!

Параллельно вспомним написанное на эту же тему стихотворение Беллы Ахмадулиной «Воскресный день», в основном посвященное безграничному разнообразию природы, когда поэт выходит из бурана сна, и в нем постепенно пробуждается стремление к стихотворению. Сменяют друг друга бытовые, почти банальные картины (умывание холодной водой, утренний кофе...) и пейзажи; все подталкивает поэта к тому, чтобы окунуться в пла-

мень вдохновения, вызвать из безмолвия едва уловимые звуки, которые затем обретут смысл, превратятся в стихотворение, музыку («Я из безмолвия вызволяю слово»). Она вынуждена попрощаться с негой выходного дня, не сможет прогуляться и по аллее, так как нисходящая свыше сила приковывает ее к письменному столу:

Прощай, соблазн воскресный! Меж дерев
мне не бродить. Но что все это значит?
Бумаги белый и отверстый зев
ко мне взывает и участья алчет.

Воздействие вдохновения очень коротко, оно длится секунды. Воспламененный им поэт должен успеть облечь в слова мысли, извлеченные из безмолвия, вдохновение использует поэта для озвучивания своих капризов, он всего лишь проводник лихорадочной дрожи, которая неожиданно его настигла и потом покинет навсегда:

Я – мускул, нужный для ее затей.
Речь так спешит в молчанье не погибнуть,
свершить звукорожденье и затем
забыть меня навеки и покинуть.

В финальной строфе персонифицирование себя с дудкой еще более конкретизирует эту мысль, и она становится предметной. Подобно Анне Каландадзе, Белла Ахмадулина представляет себя как дудки, используя ту же метафору. Говорить о каких-либо влияниях и приоритетах совершенно излишне.

Я для нее – лишь дудка, чтоб дудеть.
Пушай дудит и веселит окрестность.
А мне опять – заснуть, как умереть,
и пробудиться утром, как воскреснуть.

В разное время этот мотив становился предметом раздумий многих поэтов, и каждый излагал его по-своему. Здесь будет кстати упомянуть классический пример, культовое, памятное всем стихотворение Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...»). В нем говорится, что пока Апполон не призовет поэта к священному жертвеннику, он молчит, его существо – во власти сна, и он ничтожнее всех смертных. Но стоит божественному гласу коснуться его обостренного слуха, как все вмиг меняется, душа творца трепещет и дрожит, и не узнать – вчера еще дремлющая и поглощенная будничными заботами, сегодня она, распахнутая крыльями, реет в вышине:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Кто хоть раз соприкасался с поэзией, не мог не испытать ее магическую силу, дарующую чувство незабываемого блаженства.

Окончание следует

НАШ ЛЕТОПИСЕЦ

Кажется, когда Господь раздумывал, каким из талантов одарить Инну Безирганову, он вдруг решил не скупиться и щедро отсыпал ей сразу несколько дарований.

Выпускница филологического факультета Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили, Инна работала в разных сферах и областях, и всегда и везде – успешно.

Посудите сами: она трудилась педагогом в школе, плодотворно сотрудничает с рядом СМИ, и ее материалы вот уже много лет считают за честь публиковать многие грузинские и зарубежные издания. Она – и корреспондент, и интервьюер, и автор статей самых разных жанров. Есть в ее биографии и редакторский опыт – напомним читателям о ежемесячном обозрении «Театральный вестник» (кстати, скажем по секрету, его издание скоро будет, к нашей радости, возобновлено). А потом Инна взяла очередную высоту, защитила диссертацию «Мир грузинской действительности и поэзии в творчестве Евгения Евтушенко» и стала доктором филологии.

Но главный предмет ее профессионального интереса (пожалуй, это все-таки не интерес, а любовь) – конечно, театр. Грузинский, русский, вообще – талантливый и живой театр. Именно такому театру она посвящает свои замечательные рецензии, аналитические статьи, интервью и книги. Закономерно и признание – профессиональная премия театральных критиков «Хрустальное перо. Русский театр за рубежом» Союза театральных деятелей России.

И все же, думается, мы до конца даже не осознаем, какой огромный вклад вносит Инна Безирганова не только в сохранение истории русского театра Грузии, но и в популяризацию его сегодняшней жизни, когда каждая премьера оказывается в поле ее внимания, включается в русло современного театроведения и театральной критики. Посмотрите еще раз на громадный фолиант «Русский театр в Грузии – 170». И задумайтесь – этот, казалось бы, совершенно неподъемный вес, по крупному счету, «взял» один человек – Инна Безирганова, заведующая музеем театра имени Грибоедова и поистине его летописец! Низкий ей поклон!

Сердечно поздравляем Инну с круглой датой и желаем многих-многих радостей и удач, крепкого здоровья, творческого вдохновения и благоденствия!

Царская спальня в ночь с 11 на 12 марта 1801 года

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Промозглой мартовской ночью 1801 года в Санкт-Петербурге, в собственной спальне, был жестоко убит император Павел I. Событие, несомненно, непривлекательное, но не такое уж из ряда вон выходящее для той эпохи. До Павла в России были убиты своими подданными четыре правителя, официально венчаные на царство — цари Федор II и Лжедмитрий I, императоры Иван VI и Петр III. Но на этот раз впервые в дворцовом перевороте, меняющем весь ход российской истории, участвовал грузин. Его фамилия сохранилась в русифицированном варианте Яшвил, на самом деле — Яшвили. А вот имя до сих пор так и нельзя назвать с достоверностью, хотя оно звучало не раз в различных версиях.

Дело в том, что восстановить кровавые события в императорской опочивальне можно лишь по воспоминаниям. Ведь не только не было никакого официального расследования причин смерти самодержца, но и сам

факт убийства тщательно скрывался аж до 1905 года. Было объявлено, что государь скончался от апоплексии (инсульта) и цензура без малого век не допускала никаких попыток историков внести ясность в этот вопрос. Воспоминания же всегда имеют долю субъективности, поэтому необходимо тщательно сопоставлять факты, преподносимые разными мемуаристами.

А в данном случае надо еще и помнить слова выдающегося историка Натана Эйдельмана: «Большая же часть рассказов записана людьми, находившимися далеко от дворца, порою даже в других городах, но запомнившими рассказы очевидцев; немало и «свидетелей третьей степени», т. е. тех, кто зафиксировал рассказы лица, в свою очередь пересказывающего версию участника». Так что попытаемся по воспоминаниям из минувших веков разобраться, какой же грузин решительно действовал в императорских покоях — Владимир Яшвил или его младший брат Лев?

Их обоих, еще мальчиками, привезли в Петербург из семьи

владельца имеретинского князя Михаила Яшвили. Они попали в окружение императрицы Екатерины II и под фамилией Яшвил поступили в Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус. В 1786 году братья выпускаются на службу в Бомбардирский полк в званиях штык-юнкеров. Этот странный для последующих времен чин был позаимствован у шведов, у которых звучал как «штык-юнкер» (артиллерийский юнкер). А в русском языке он превратился в более привычное военному уху «штык-юнкер». По окончании корпуса присваивался этот чин, а не унтер-офицерский. И в сугубо артиллерийском названии появилось пехотное «штык».

Но воевали братья не штыками, а используя орудия. Под командованием легендарного Александра Суворова сражались на Русско-турецкой войне 1787-1791 годов, Владимир брал знаменитую крепость Измаил, Лев участвовал в первой крупной победе русских войск на той войне — уничтожении турецкого десанта в Кинбурне. Потом оба в Польских походах — в 1792-м, и

вновь под началом Суворова - в 1794-м.

В 1800 году командир артиллерийского полка Владимир Яшвили получает звание генерал-майора и назначается цейхмейстером (командующим береговой артиллерией). Лев в том же голу становится полковником конно-артиллерийского полка. Запомним эти звания и должности братьев: они – на 11 марта 1801-го, на момент убийства Павла I. И помогут нам разобраться с мемуарами об участии князя Яшвили в этом убийстве.

А перед началом разбирательства сам собой напрашивается вопрос: за что же все-таки убили Павла Петровича Романова? И вообще, что за человек был император, который подписал Высочайший манифест о присоединении Картли-Кахети к Российской империи, торжественно провозглашенный в Сионском соборе Тифлиса 16 февраля 1801 года и окончательно положивший конец независимости Грузии?

Его родители – Петр III, внук Петра I и Екатерина II, свергнувшая супруга с престола. Впрочем, сам Петр III, правивший всего полгода, очень сильно сомневался в своем отцовстве. А его подданные поговаривали, что Павел то ли прижит Екатериной от ее любовника графа Сергея Салтыкова, то ли является чухонцем (финном или эстонцем) из деревни Котлы, подкинутым царице вместо мертворожденной дочери. В общем, отношения Павла с матерью были, мягко говоря, неприязненные, он любил своего эксцентричного отца, которого очень не любила Екатерина. Вслед за императрицей ее фавориты открыто презирали Великого князя, а он ненавидел их.

При таком раскладе Павел отнюдь не планировался в наследники престола и сам понимал, что шанса стать государем у него практически нет. И тем не менее, целых 34 года ждал кончины матери, мечтая уничтожить все ее дела. А та собиралась, минуя сына, передать власть своему внуку Александру Павловичу. Но не успела – скоропостижно скончалась в 1796 году и четыре с лишним года страной

Павел Первый

правил человек, не готовившийся к трону. Хотя ему было уже 42 года. Так гигантская империя получила самого, пожалуй, взбалмошного самодержца со странным, неоднозначным поведением и непредсказуемой политикой.

Справедливости ради надо сказать, что, уничтожая созданное матерью, он делает и добрые дела. Приняв престол, он амнистирует всех, кто находится в заключении и «по тайной экспедиции» – под судом и следствием. Он освобождает участников Польского восстания 1794 года во главе с томившимся в Петропавловской крепости Тадеушем Костюшко. Из Шлиссельбургской крепости выходит просветитель, издатель сатирических журналов и общественный деятель Николай Новиков.

Из сибирской ссылки возвращается литератор и философ Александр Радищев, которого за роман «Путешествие из Петербурга в Москву» Екатерина II назвала «бунтовщиком, хуже Пугачева». А еще новый император возвращает в столицу своего сводного брата Алексея Бобринского, сына Екатерины II

и ее фаворита графа Григория Орлова. Ему было запрещено жить в Петербурге, а Павел не только отменяет запрет, но и жалует внебрачному сыну своей матушки титул графа.

Вскоре после восшествия на престол Павел установил в

Владимир Яшвилъ

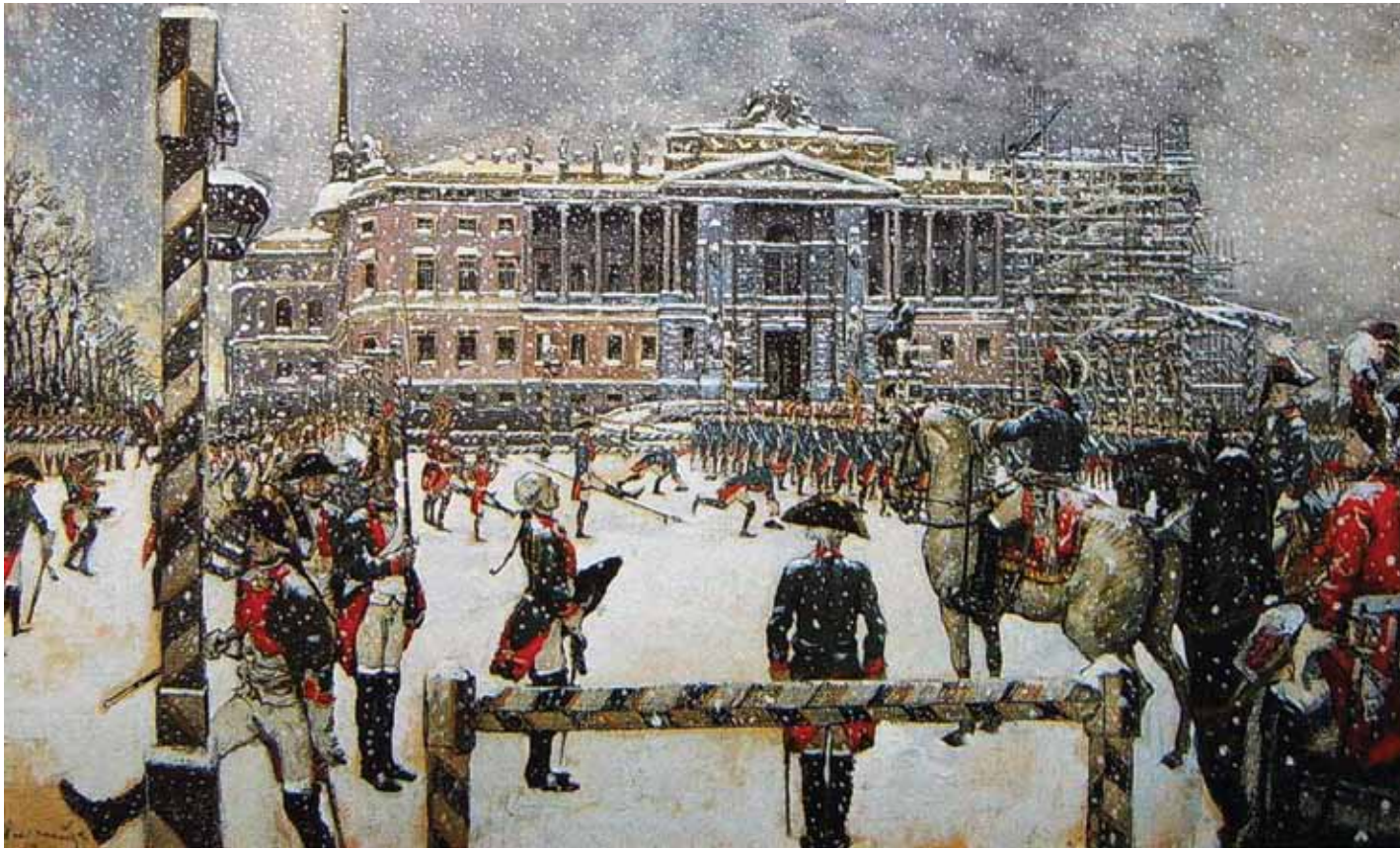

Лев Яшвиль

одном из окон Зимнего дворца знаменитый желтый ящик, в который любой человек мог опустить прошение, сообщение, жалобу. Ключ от комнаты с ящиком хранился у императора, каждое утро он лично доставал письма и немедленно реагировал на них. Резолюции и ответы за его подписью публиковались в газетах.

Павел муштрует войска

Если автору письма предлагалось обратиться в какое-нибудь ведомство, то царя обязательно извещали о результатах.

«Первейший любимец, первый сановник, знаменитый вельможа, царедворец и последний ничтожный раб, житель отдаленной страны от столицы равно страшились ящика», — свидетельствовал историк Александр Тургенев. Лишь за один год в желтый ящик опустили 3.229 писем, по которым Павел I издал 854 письменных указа и отдал 1.793 устных приказа. Но потом, как и следовало ожидать, в ящике стали появляться карикатуры и анонимки, оскорбляющие царя. И «канал связи с народом» был закрыт.

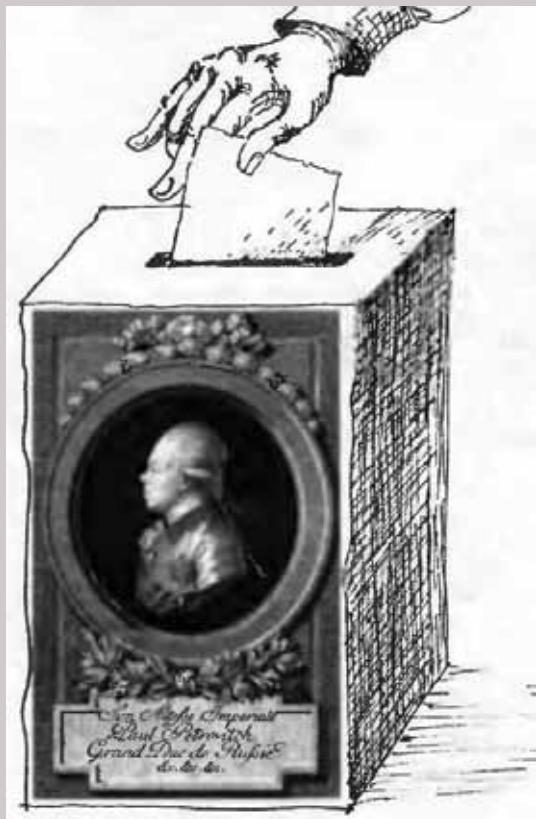
В деревне Павел сократил барщину с 6-ти до 3-х дней в неделю, запретил продавать крестьян без земельных наделов и заставлял их работать по церковным праздникам и воскресеньям. Крестьяне получили право заниматься торговлей, официально становиться купцами или мещанами, то есть селиться в городе. В сфере вероисповедания разрешил старообрядцам строить храмы. В армии ввел аттестацию генералов и офицеров

и запретил им эксплуатировать солдат в личных целях,

Но изменений «со знаком минус», настроивших против него все сословия, было больше. Он считал, что помещики содержат крестьян лучше государства, и за 4 года раздал в частные руки 600 тысяч крепостных, тогда как его мать за 34 года пожаловала помещикам 850 тысяч душ. Самые масштабные реформы коснулись дворян, которых Павел не любил с детства, боялся их бунта и хотел ограничить привилегии, дарованные им Екатериной II.

Он лишает дворян права предоставлять царю коллективные жалобы, а тем из них, кто прослужил офицерами менее года, запрещает уходить в отставку. Дворянам и их детям запрещают выезжать за границу, привозить оттуда книги и ноты. Их облаживают сбором на содержание администраций в губерниях и судебных органах. К дворянам даже стали применять телесные наказания.

Так, штабс-капитан Кирпичников получает тысячу палок за резкие высказывания по поводу ордена Святой Анны (Анной звали фаворитку императора). За

Желтый ящик Павла

«дерзновенные разговоры» пожизненно оказывается в тюрьме полковник Кнутов. В желтый ящик подкидывают донос на гвардейского офицера, носившего кивер сдвинутым набок, и тот в цепях отправляется в Сибирь. А случай со знаменитым драматургом Василием Капнистом, – лучшая иллюстрация самодурства Павла.

Императору доносят, что комедия Капниста «Ябеда» высмеивает его правление. Драматурга без всяких разбирательств арестовывают и под конвоем увозят в Сибирь. Так и не поняв, что происходит, он находится в пути, когда Павел решает все же посмотреть пьесу. После первого акта он приказывает вернуть Капниста с курьером в столицу, после второго акта – наградить его и дать ему чин. И все это за несколько часов. А Капнист потом шутил, что комедия оказалась коротковата, а то он вернулся бы из ссылки министром.

Впрочем, не только у дворян были основания не любить непредсказуемого монарха. Тот установил комендантский час: после восьми вечера в домах нельзя было зажигать свет, а передвигаться по улицам могли лишь караульные солдаты, аку-

шерки – к роженицам и священники – к умирающим. Долгое время были запрещены балы, под длительную опалу попал вальс. А внешность подданных Павла Петровича определяли строжайшие правила.

Мужчинам запрещают круглые шляпы, высокие сапоги, фраки и жилеты, бакенбарды, зачесанные вперед волосы, а офицерам гвардии – еще и ношение шуб. У женщин в царской опале оказываются французские платья, «сочетание синих сюртуков с красными воротниками и белой юбкой», букли и челки. Модных магазинов с предметами роскоши и нарядами остается только семь – по числу... смертных грехов.

Легко понять, почему улицы Санкт-Петербурга пустеют, когда царь выезжает на ежедневную прогулку. Увидев его, все обязаны выходить из экипажей и приветствовать, рискуя попасть в Петропавловскую крепость, если их внешний вид не понравится монарху. Необходимость все подчинять царскому велению доходит до того, что даже императрица Мария Федоровна, супруга Павла, без его разрешения не может приглашать к себе своих собственных сыновей с их женами.

Из-за боязни «революционной заразы» создается Цензурный совет, закрываются частные типографии, открывается Тайная экспедиция вместо Тайной канцелярии, упраздненной Екатериной II. Под запрет попадают даже слова. Так, вместо «гражданин», «отечество» и «врач» надлежит говорить «обыватель», «государство» и «лекарь», вместо «выполнить» и «отряд» – «исполнить» и «деташемент»... Неисполнение строго карается.

А указы Павла I сыплются, как из рога изобилия. За время своего царствования он издает их 2179, то есть по 42 указа в месяц. Помимо уже перечисленного, эти документы предписывают следить за всеми, особенно за иностранцами, просматривать письма, в первую очередь отправляемые за границу, чиновникам следует доносить обо всех действиях своих начальников. Но «главное действующее лицо» павловских указов, пожалуй, армия.

Самодержец меняет военную форму на прусский манер, строго наказывая за малейшие отклонения от его капризов. Достаточно сказать, что только форму конной гвардии он меняет девять раз. Он маниакально изводит военных жестокой муштрой, ежедневно (!) перед Зимним дворцом проводятся вахпарады, на Марсовом поле то и дело идут показательные учения. Государь постоянно недоволен, все время кого-то карает, не брезгает публично охаживать палкой провинившихся офицеров.

Ну и, конечно, непредсказуемым Павел оказывается в международных военных вопросах. Так в 1799 году он считает необходимым объявить войну Испании за то, что она поддерживает отношения с ненавистной тогда ему республиканской Францией. А через пару лет вместе с первым консулом Франции Наполеоном Бонапартом собирается совершить поход в Индию.

Русский царь собирается противостоять Англии, чтобы отобрать у нее не только Индию, но и остров Мальту. Ведь православный Павел был провозглашен Великим магистром католического Мальтийского ордена и даже повелел изготовить географические карты, на которых Мальта значилась губернией Российской империи. А еще

Леонтий Беннигсен

Никита Панин

он предлагал Папе Римскому... переселиться в Россию.

Скажем больше, многие серьезные ученые считают пустой тратой ресурсов и сил Суворовский военный поход в Италию против революционной Франции (тот самый, со знаменитым переходом через Альпы) в 1799 году. Вообще, непредсказуемый самодержец стремился активно участвовать в европейской политике, а это требовало огромных денежных затрат без ощутимой пользы для страны.

Деяниям Павла I здесь уделено такое внимание, чтобы было ясно: состоящий на военной службе грузинский князь имел все основания стать заговорщиком. Ведь заговор был направлен против человека, не знающего и не понимающего страны, которой управляет. Из-за его капризов и смен настроения люди не могли знать, что с ними будет завтра. А свои отношения с людьми он определил так: «В России нет важных лиц кроме того, с кем я говорю и пока я с ним говорю».

Конечно же, он не мог быть авторитетом для большинства своих подданных, вынуждая их жить в «угрюмое и суровое время». И в первую очередь такой император не устраивал воен-

ное дворянство – главную движущую силу российской истории в ту эпоху. А как могло офицерство смириться с тем, что, по словам историка Николая Карамзина, царь «лишил награду прелести, а наказание – стыда»? Он никак не мог понять, что абсолютная монархия невозможна без поддержки аристократии.

В общем, упрямство и непродуманность многих решений, плохое знание государственных дел и непредсказуемость Павла, его мнительность и неумение окружить себя умными и верными людьми приводят к тому, что в начале марта 1801 года созревает заговор против него. Раздраженных опалами и оскорблениями возглавляют военный губернатор Санкт-Петербурга, начальник остзейских (прибалтийских) губерний, главный директор почт, член Совета и Коллегии иностранных дел граф Петр Пален и бывший вице-канцлер, сенатор Никита Панин. В их планы посвящено до 300 аристократов, но не всем известны детали плана. Главное же в этом плане: не убивать императора, а сменить его на более «покладистого».

И вот, когда государь собирается «порадовать» подданных очередными указами – об изоляции императрицы с цесаревичем Александром и узаконивании пары своих внебрачных детей – заговорщики начинают действовать. Вечером 1801 года, после обильного ужина с возлияниями, они двумя колоннами отправляются к Михайловскому замку. Его Павел построил для себя, так как не любил Зимний дворец. Но успел прожить в новом замке всего 40 дней. Стягиваются туда и гвардейские полки – Преображенский с Семеновским.

В спальню императора врываются 12-14 офицеров. Их возглавляют бывший командир Изюмского легкоконного полка, Георгиевский кавалер, генерал-лейтенант Леонтий Беннигсен и генерал-поручик, бывший шталмейстер граф Николай Зубов, брат князя Платона Зубова – последнего любовника Екатерины II. В заговоре участвует и третий брат – герой Русско-персидской войны 1796 года генерал-аншеф Валериан Зубов.

Вообще-то, заговорщики пла-

нируют не убивать Павла, а заставить его отречься от престола в пользу старшего сына, будущего императора Александра I. Тот дает молчаливое согласие на свержение, но никак не на убийство отца. Беннигсен писал: «Принято было решение овладеть особой императора и увезти его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором, и где бы он был лишен возможности делать зло».

Но все идет не так, как планировалось. Не будем уточнять, как проникли в покои Павла гвардейские офицеры, среди которых был и князь Яшвиль. Как разгорелся их конфликт с императором, который тщетно пытался спрятаться за ширмой, а потом поднял руку на одного из заговорщиков. У всего этого есть несколько версий. А суть в том, что императора бьют по голове тяжелой золотой табакеркой Николая Зубова, а когда он падает, душат шарфом. При этом присутствует князь Яшвиль. И, как говорят, не просто присутствует...

Поэт Вольфганг Гете в своем германском далеке пишет записку «Дворцовая революция против императора Павла» и так определяет заговорщика: «Артиллерист князь Яшвиль грузин». Сенатор барон Карл Генрих Гейкинг сообщает, что «князь Яшвиль» после отказа Павла подписать отречение «крикнул: «Ты обращался со мною, как тиран,

Николай Зубов

Петр Пален

ты должен умереть!» При этих словах другие заговорщики начали рубить государя саблями и ранили его сперва в руку, а затем в голову». Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Дмитрий Рунич утверждает: «Яшвиль, грузинский князь, или Бог знает, кем он был, приблизился к ширмам, за которыми увидел скрывавшуюся жертву».

Майор фон Ведель, также с чужих слов сообщает, что на Павла набросились Яшвиль и Татаринов, ширмы опрокинулись, царь пришел в сознание и стал звать на помощь: «Он с силою оттолкнул державшего его Яшвиля и пытался вырваться. При этом они оба упали на землю... В это самое мгновение гвардейский офицер... сорвал с себя шарф и обвил им шею императора, а Яшвиль крепко держал голого, с отчаянием борющегося императора. Многие заговорщики, сзади толкая друг друга, навалились на эту отвратительную группу, и таким образом император был удушен и задавлен, а многие из стоявших сзади не знали в точности, что происходит».

Из всех заговорщиков мемуары оставили лишь Беннигсен и прапорщик Константин Полторацкий. Но второй из них находился с солдатами, Беннигсен дает три версии, чтобы вы-

ставить себя в наилучшем свет. Он пишет: «Мало-помалу стали входить офицеры из тех, что следовали за нами. Первыми были подполковник Яшвиль... майор Татаринов и еще несколько других»... «Князь Яшвиль, генерал-майор артиллерии, уже некоторое время находившийся в отставке, первым вошел в главе своих сотоварищей. В бешенстве он бросился на императора, повалил его на пол, опрокинул ширмы и ночник»... «Князь Яшвиль, Горданов... гвардейские офицеры... держали императора в своих руках, вначале ему удалось подняться с земли, но его опрокинули вновь».

Вообще, различные мемуа-

ристы по-разному приписывают Яшвилю участие в убийстве. С их слов, он и бьет саблей часового, и находит царя за ширмой, и призывает заговорщиков к расправе и, при различных обстоятельствах, наносит первый удар Павлу, и душит шарфом... Тут создается впечатление, что он всюду успел поучаствовать. Но все это со слов тех, кто в спальне не был. А Натан Эйдельман справедливо подчеркивает, что из десятков свидетельств большая часть «записана людьми, находившимися далеко от дворца, порою даже в других городах, но запомнивших рассказы очевидцев; немало и «свидетелей третьей степени»... Вот

Французская гравюра XVIII в.

Табакерка, ставшая орудием убийства

самое, пожалуй, раннее письменное свидетельство. Оно записано 15 апреля 1801 года со слов среднего сына императора – Константина своему бывшему воспитателю графу Карлу фон-дер Остен-Сакену. А Константин, как и Александр ненавидел своего папашу и постарался поточнее разузнать, что и как с тем произошло:

«Князь Zubov объявил Павлу, что он арестован и больше не император. Павел спросил, по чьему приказу? «По приказу нации, недовольной его правлением», – ответил Zubov. Павел умолял сохранить ему жизнь и обещал исправиться. Но эти лица опасались последствий, к тому же для смелости они изрядно выпили. Князь Zubov сказал им слова известной поговорки: «Нельзя сделать омлет, не разбив яйца». Князь Яшвиль первым нанес императору сильный удар по голове, от которого тот потерял сознание. Остальные убийцы добились царя, задушив его».

Из всего, что мы узнали, пока нельзя определить, кто из братьев-грузин принимал участие в убийстве императора. Имя его еще не прозвучало, а воинское звание Яшвиля варьируется. Поэтому обратимся к литературе, конкретно называющей имя князя. Сначала – той, где речь идет о старшем брате Владимире.

Знаменитый гусар-поэт Денис Давыдов: «Князь Владимир Яшвиль, человек весьма благородный и Татаринов задушили его, для чего шарф был снят и подан Яковом Федоровичем

Скарятиним». Офицер Михаил Леонтьев со слов «товарищей и знакомых»: «Свирепый генерал князь Юшвиль вскричал Зубову: «Князь, полно разговаривать! Теперь он подпишет все, что вы хотите, а завтра головы наши полетят на эшафоте!» – и с этими словами ударил государя табакеркой в висок». То есть прямо указывается на генерал-майора, старшего брата. А еще то, что Павел ударил Владимира Яшвиля тростью во время парада, так что повод для мести мог быть.

Вообще же, широко распространенное в историографии мнение об участии в заговоре старшего Яшвиля пошло от дипломата и историка князя Алексея Лобанова-Ростовского. Он в 1877-м подготовил к изданию мемуары надворного советника Августа Коцебу, но в примечаниях называет участником цареубийства Владимира Михайловича, а приписывает ему чины и место службы Льва. Льва же называет старшим братом и дает ему служебные характеристики Владимира. Путаница со званием, должностью, степенью родства и именем князя и в популярных мемуарах сенатора Александра Вельяминова-Зернова.

А в целом из десяти наиболее читаемых мемуаристов только два однозначно пишут об участии князя Владимира в убийстве, причем у них информация о заговоре – из «вторых рук». Двое путаются в биографиче-

ских данных братьев, четверо прямо и еще двое косвенно называют участником заговора Льва Яшвиля. И во многих сведениях о заговоре прямо указывается, что в убийстве императора участвовал не Владимир, как это традиционно считается, а Лев Яшвиль

Беннигсен пишет: «Яшвиль, брат артиллерийского генерала Яшвиля». Это – прямое указание на Льва, который, как мы помним, в отличие от Владимира, генералом не был. То же самое у фон Веделя: «Брат артиллерийского генерала. Декабрист Михаил Фонвизин называет «артиллериста – полковника князя Яшвиля». Граф Алексей Ланжерон упоминает Яшвиля как гвардейского офицера. Владимир же в гвардии не был, а вот Лев до того, как стать полковником, служил в гвардейском батальоне.

К тому же сроки пребывания Владимира Яшвиля в Петербурге не очень стыкуются со временем подготовки и осуществления заговора. До 13 ноября 1800 года он служил в полку, который не квартировал в столице. Потом он становится генералом, командует береговой артиллерией в портовых городах на побережье Балтийского моря и его фамилии нет в «Санкт-Петербургском адрес-календаре» за 1800 и 1801 годы.

Вскоре после переворота появились копии письма Александру I, которое приписывали

Александр Первый

Михайловский замок

Владимиру Яшвилю. В нем такие фразы: «Несчастный безумец Ваш отец... В настоящую минуту осталось одно средство – убийство, мы за него взялись... Наши руки обагрились кровью не из корысти, пусть жертва будет не бесполезна... Будьте на престоле, если это возможно, честным человеком и русским гражданином... Пред государем я спаситель отечества, пред сыном – убийца отца... Удаляюсь в мои деревни, постараюсь там воспользоваться кровавым уроком...»

Оригинала этого письма никто не видел, доказательств, что оно написано Владимиром Михайловичем, нет. Тем не менее в опалу у нового царя попадает именно он, хотя Беннигсен, например, ничуть не пострадал. Сначала Яшвиля-старшего не приглашают на коронацию Александра I, а когда он в 1802-м добровольно уходит в отставку, на него заводят секретное дело и ссылают в Калужскую губернию под надзор полиции с запрещением бывать в обеих столицах. Хотя о царе близкий к нему князь Адам Чарторыйский утверждал: «Что касается ближайших участников убийства, то имена их долгое время были ему неизвестны, он узнал их только через

несколько лет».

Значит, то, что Александр I «по горячим следам» считал Владимира Яшвиля убийцей своего отца, вовсе не доказательство причастности князя к заговору. Но именно его отрицательное отношение к этому человеку породило у «свидетелей третьей степени», мемуарную традицию считать Владимира Михайловича заговорщиком. А потом эта традиция перешла в историографическую.

В Отечественную войну 1812 года старший Яшвиль, с разрешения фельдмаршала Михаила Кутузова, был зачислен в Калужское ополчение, под Брянском и Ельней «лично собою рисковал жизнью, кидаясь во все опасности». Но Александр I отчитывает Кутузова и вновь отправляет князя под надзор полиции. В Калужской губернии и скончался кавалер орденов Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святой Анны 3-й степени, Крестов «За Измаил» и «За Прагу», обладатель золотой шпаги «За храбрость». Ему был 51 год.

Его брат успешно продолжил службу, участвовал в войнах с Францией 1805-го и 1806-1807-х годов, в Отечественной войне 1812 года. Брал Париж, после Польской кампании 1831 года

был избран в Военный совет – высший законодательный и законосовещательный орган для решения военно-организационных дел. Стал генералом от артиллерии. И умер в 64 года, осыпанный наградами.

А под конец вспомним единственное сообщение, сделанное по этой теме женщиной. И какой женщиной! Александрой Смирновой-Россет, фрейлиной двух императриц, создательницей легендарного петербургского литературного салона. Гоголь утверждал, что она – «перл всех русских женщин», а Пушкин, посвятивший ей немало строф, убедил ее написать мемуары, которые сейчас так ценят историки.

Так вот, «черноокая Россети», прекрасно знающая who is who в ту эпоху, вспоминала про 1818 год (тогда Владимир Яшвиль уже умер): «Вскоре получилось известие, что князь Яшвиль приедет делать смотр 17-й конной артиллерии. Лицо Яшвиля было очень неприятное, что-то суровое и холодное, и он участвовал в страшном убийстве в Михайловском дворце».

Вот и остается без ответа вопрос: «Кто Вы, князь Яшвиль?»

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СЕРДЦЕ ТБИЛИСИ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Любите ли вы историю так, как любит ее основатель тбилисской галереи Yota Royal?

Этот страстный коллекционер уверен, что история человечества – не только история войн, но и создания прекрасного. И он знает, о чем говорит: в его галерее на улице Шалвы Дадиани №7 – тысячи необыкновенных миниатюрных шедевров.

Yota Royal – музей военно-исторической миниатюры, коллекции которого поражают своим разнообразием, оригинальностью и изяществом. Искусные мастера компании «Йота Ройал» уже который год производят металлических солдатиков и другие фигурки в формате 40 миллиметров, а также исторические макеты для фигур такого же формата. И в этом им нет равных.

В музее Yota Royal вы обнаружите фигуры короля Англии, Шотландии и Ирландии Карла I, короля Франции из династии Бурбонов, Людовика XVI, Императора Всероссийского, Царя Польского и Великого Князя Финляндского, Императора Российской империи Николая II Александровича.

Особая гордость «Йоты Ройал» – превосходная картина истории Грузии. Здесь вы

можете найти фигуры Давида IV Строителя и его супруги Гурандухт, Георгия Чкондидели – Мцигнобартухуцеси – первого среди визирей, Амирспалара – визиря объединенной Грузии и главнокомандующего, а также царицы Тамар и даже Иосифа Сталина.

Есть в коллекциях галереи и фигуры славных царей Грузии – первого царя Иберии Парнаваза I, Мириана III, Вахтанга I

ка, выдающегося грузинского писателя, публициста и общественного деятеля Григола Робакидзе, историк-педагог по профессии, тоже писатель (автор книг «Хей» и «Азробар») и верный поклонник солдатизма со стажем. Коллекционирование – дело его жизни, а жизнь его – сплошное приключение по страницам мировой летописи, героев которой он с большой любовью поселил в своей уникальной галерее в сердце Тбилиси. Кстати, именно Григорий рассказал нам, что Суворов и Гете, Черчилль и, представьте себе, сам Малкольм Форбс – это далеко неполный список людей, которые большую часть своей жизни посвятили солдатизму.

У грузина Григория Робакидзе это увлечение началось с 70-х годов прошлого столетия, когда достать приличные фигуры, например, цветные фигурки индейцев и ковбоев, которые выпускались в ГДР, было чем-то из области фантастики.

«Тогда были люди, которые, имея доступ через Израиль и страны соцлагеря – Польшу, Венгрию, Румынию, привози-

ли такие фигурки. И вот в один прекрасный день, в свой день рождения, я проснулся и увидел пять по тем временам роскошных фигур. Тогда и началось мое коллекционирование – фигур, машин, поездов, даже монет. А потом я открыл для себя размер – 40 миллиметров, то есть киндеровские фигуры», – вспоминает Робакидзе.

На сегодняшний день в Yota Royal представлены четыре тысячи солдатиков и фигур. И это, по словам экспертов, на данный момент, самая полная публичная коллекция стандарта 40 мм, выставленная в мире.

«В главной коллекции музея – «Портале времени» – объединены разные эпохи, здания, страны и времена. Все это сделано для того, чтобы показать посетителям не какие-то баталии, а то, как были одеты военнослужащие и их руководители, какое у них было обмундирование и оружие. Параллельно мы создаем инфраструктуру: виноградарство, земледелие, скотоводство, городская индустриальная жизнь. А солдатики у нас служат для антуража, чтобы показать, что нужно защищать

Горгасали, Георгия V Блистательного, Ираклия I, Баграта III, Петра Ивановича Багратиона и других правителей.

Из литературных гениев и их персонажей тут «живут» Шота Руставели, Важа Пшавела, Дата Туташхия, Гоча и Хвича – герои романа Уиараго (Кондрата Давидовича Татарашвили) «Мамлюк», а также Айэт – мифический царь древней Колхиды, который, по некоторым версиям, был реальной исторической личностью.

В один из наборов серии «Книжные герои» вошли Карл Фридрих Иероним барон фон Мюнхгаузен, граф Джузеппе Джованни Батиста Винченцо Пьетро Антонио Маттео Франко Бальсамо Калиостро и Лемюэль Гулливер.

Но вернемся к хозяину солдатиков, потому что он – не менее интересная фигура, нежели его блестящие творения. Основатель, координатор и руководитель компании «Иота Ройал» Григол Робакидзе – полный тезка своего дальнего родственни-

Григорий Робакидзе

простую жизнь, мир, быт и чисто человеческие отношения, которые можно увидеть на макетах Yota Royal», – рассказывает Григорий.

Сегодня фигуры Yota Royal представлены во всем мире, но парадоксально – интерес к этому искусству в Грузии, среди грузинского населения, увы, не очень высок. «Как говорится, русские не ходят в Эрмитаж, французы – в Лувр, а испанцы – в Прадо», – шутит наш собеседник.

Но то, что у галереи Yota Royal в Грузии нет равных и конкурентов как таковых, – чистая правда. Хотя и минусы у этого «превосходства» тоже имеются. К примеру, трудности материального характера. «Рентабельность зависит от потока туристов. К сожалению, наша продукция стоит довольно дорого. Минимальная цена фигур – 50 лари, максимальная – 250. И не все грузины сейчас имеют возможность тратить такие деньги на приобретение коллекционных фигур», – отмечает хозяин «Иоты».

Любопытно, что среднестатистический посетитель грузинской галереи Yota Royal – это турист из бывшего СССР. Также среди любителей размера 40 мм есть итальянцы и французы. «К примеру, когда к нам зашел румынский турист и увидел Замок Бран – Замок Дракулы в Румынии, он ахнул: «О Господи, и здесь он!» Видимо, Дракула румыну достаточно поднадоел

и, увидев его в Грузии, он удивился», – говорит Григорий Робакидзе.

А еще частые гости «Иоты Ройал» – это дети, причем разных возрастов – от малышек до подростков. С галереей часто связываются педагоги местных школ, договариваются об экскурсиях и приводят в «Иоту Ройал» целые классы. «Дети восторгаются подачей, немного непривычной для обычных коллекционеров, потому что у нас в галерее, помимо впечатляющей коллекции, есть и живой уголок – в одном из них, например, сегодня плавает живая акула», – улыбается коллекционер.

На новом месте, куда, по его словам, вскоре планирует переехать галерея, будет осуществлен грандиозный проект по синхронизации сразу нескольких направлений: синтез звуковой дорожки (авторский рассказ сопровождается лязгом оружия, конским ржанием и другими шумами), оригинальное освещение (небосвод, созвездия и др.) и движения на макете отдельных объектов (ветряные мельницы, водопады, летающие драконы, аэростаты, дирижабли и т.д.). То есть, цель галереи – всесторонне погрузить посетителей в атмосферу и магию Yota Royal.

Интересно, что у Yota Royal есть и своя не столько политика, сколько жизненная позиция, которую поддерживают абсолютно вся команда, работающая над созданием фигур и макетов

галереи. «Мы немного монархисты, – признается Григорий. – И наше отношение не только к стране, но и к мироустройству всей нашей планеты, носит характер монархический. Мы придерживаемся того мнения, что монарх – неприкосновен. И с Божьего благословения он – единственный законный правитель любой христианской страны».

Что касается команды Yota Royal, то над наборами галереи в разное время работали и продолжают работать искусные мастера и специалисты: научные консультанты – академик академии наук Грузии, доктор исторических наук, профессор Роин Метревели, руководитель исторического отдела «Дома Багратиони» Иосиф Бичикашвили, художник по эскизам фигурок («солдатиков») – Тамила КраВЕИШВИЛИ, скульпторы восковых фигур – Дмитрий Волкович, Давид Шульгин, ювелирные работы (литье и обработка фигур) – Джаба Лаперти, Ашот Назарян, ландшафтный дизайн – Давид Гелашвили, работы по дереву – Геннадий Басилашвили, Леван Чокури, глина – Жаннет Бурнадзе, войлок – Анастасия Каджая, Анна Сопромадзе, свет – Виссарион Гоголадзе, Акакий Чавлеишвили, оригинальное музыкальное сопровождение – Давид Тоидзе, компьютерная поддержка – Мария Мерабишвили и Анна Эйрамджян, фотографии – Мака Батиашвили, Майя Деисадзе, Юрий Мечитов, Серго Эдишерашвили, Георгий Деметрашвили и Ник Арутюнов.

Григорий Робакидзе рассказал и о процессе создания «солдатиков»: «Скульпторы сначала создают фигуры в воске. Из воска отливается форма, и уже потом над литьем работают наши мастера. Фигуры мы отливаем в серебре, бронзе и латуни. При желании можно отлить в золоте и платине. А над макетами мы работаем исключительно вручную».

Судя по отзывам довольных посетителей, из коллекций Yota Royal особенно популярны серия «Грузины в Византии» (три конные фигуры: Давид III Великий Куропалат, Торнике Эристави и Спасалар Джорджик),

«Грузинские цари» и «Мастер и Маргарита» в составе Воланда, Азazelло, Фагота, Кота Бегемота и Геллы.

«В случае коллекции «Мастер и Маргарита» у нас абсолютно оригинальные фигуры. Продуманы все мельчайшие детали, – объясняет глава галереи. – Например, у фигуры Геллы есть столик с телефоном, в котором имеется подставка для трости, шпаги. Есть сундук, кiset с деньгами, которые подбросили иудейскому первосвященнику. То есть, когда собирается фигура, выполняется громадный труд, труд всей команды. А сейчас у нас заказ на продолжение «Мастера и Маргариты». Так что будут и Понтий Пилат, и Иешуа, и Мастер, и Маргарита».

Важно отметить, что деятельность компании осуществляется с благословения Католикос-Патриарха всея Грузии Ильи II. Один из первых наборов «Казненные монархи» Григорий Робакидзе по собственной инициативе отлил в серебре и преподнес Католикосу-Патриарху.

«Также наш частый гость – царевич Давид Багратион, престолонаследник Грузии. И все фигуры, которые мы выпускаем, преподносим Его Высочеству. А наш набор «Грузинская Республика в 1918-1921 гг.», где изображены Кайхосро (Какуца) Чолокашвили, Маро Макашвили, генералы Георгий Мазнишвили и Георгий Квинитадзе, преподнесли президенту Саломе Зурабишвили, которая, к слову, знала последнего лично», – делится Григорий Робакидзе.

А так, дорогие подарки в галерее, естественно, делают по заказу. Среди клиентов в первой пятёрке – коллекционеры из России, Италии, Литвы, Португалии и Болгарии. Однако география распространения фигур «Иоты Ройал» более широкая – за счет туристов, которые приобретают фигуры на месте, в Тбилиси.

И для тех, кто прочитал до конца, – бонус! Почему же именно название «Иота», спросите вы? Дело в том, что «Иота», а точнее, «Ихтис» – это символ, состоящий из двух пересекающихся дуг, напоминающих про-

филь рыбы. Рыба – один из древнейших христианских символов. Греческое слово «рыба» – «ихтис» – представляет собой аббревиатуру греческой же фразы «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель».

«Ихтис – это знак, который чертили первые христиане, первые последователи Иисуса Христа, дабы избежать преследования, – объясняет основатель галереи. – Апостолы были большей частью рыбаками. В более позднем мире «Ихтис» олицетворяется как символ

удачи для моряков и мореплавателей. Все это предопределило наш выбор этого знака. В нем есть и дополнительное значение. «Иота» – утерянная буква грузинского алфавита, которая очень, на мой взгляд, нам нужна. Слова «революция», «резолуция», «цивилизация» с этой буквой произносились бы намного привычнее. И, наконец, девиз галереи «Иота Ройал» – ჩემი მცირე ნილი მეფეს. В переводе это означает: «Долю мою малую – царю».

Михаил Туманишвили

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО МАЭСТРО

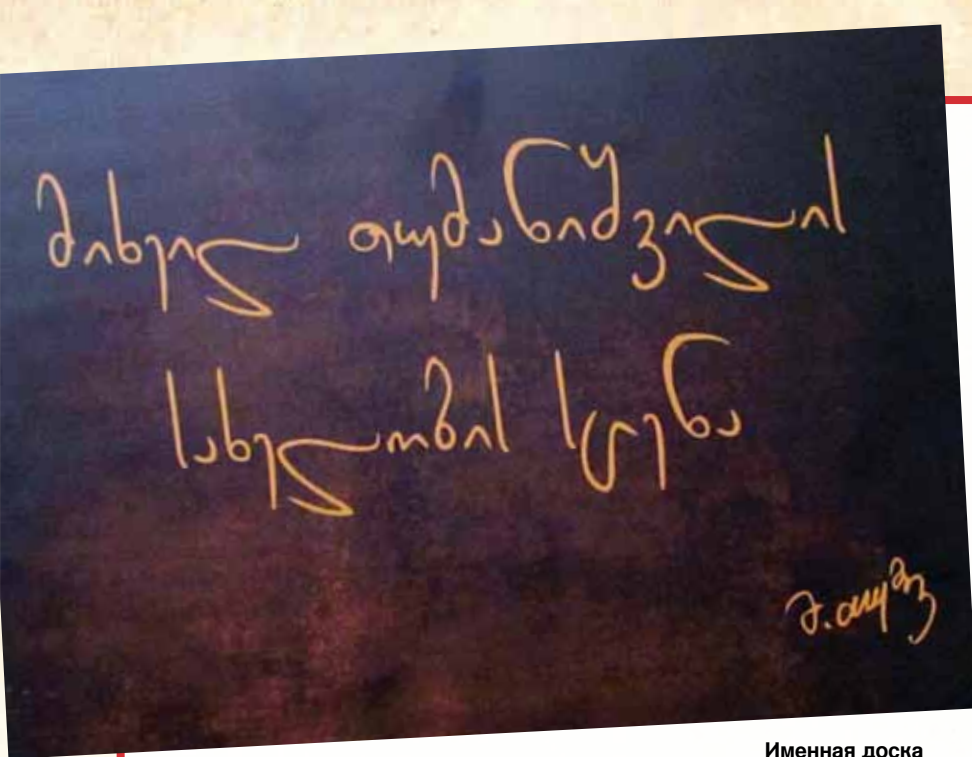
■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

«Просим вас, господа, именно вы должны это сделать», – сказал театровед и телеведущий Николоз Цулукидзе, обратившись к выдающимся режиссерам Роберту Стуруа и Темуру Чхеидзе. Они подошли и сдернули белую ткань с доски под шумные аплодисменты многочисленных гостей – 27 марта, в Международный день театра, Учебной сцене Грузинского государственного университета театра и кино им. Ш. Руставели было присвоено имя легендарного театрального режиссера и педагога Михаила Туманишвили.

Символично, что почетная миссия открытия именной доски была возложена на учеников Туманишвили. В этот теплый мартовский день в кузнице театральных кадров Грузии яблоку негде было упасть – собрались знаменитые режиссеры, актеры, преподаватели, и, конечно же, студенты. В одном из залов вуза была устроена выставка костюмов и эскизов декораций к спектаклям Учебного теа-

тра, поставленным в 1940-1960 годы. В аудитории Учебной сцены состоялась презентация книги Михаила Туманишвили «Обучение театральному искусству», выпущенной издательством театрального университета «Кентавр». По словам руководителя издательства Маки Васадзе, книга составлена дочерью режиссера, искусствоведем Еленой (Ликой) Туманишвили на основе материалов из архива

отца. Она начала работать над наследием Михаила Ивановича после его кончины. Туманишвили ушел из жизни в 1996 году, так что можно представить, какой огромный объем работы она проделала. Результатом стараний стало издание пяти томов трудов отца. Книги «Пока начнется репетиция» и «Режиссер уходит из театра» были изданы ранее, но Лика выпустила их под новой редакцией. «Обу-

Именная доска

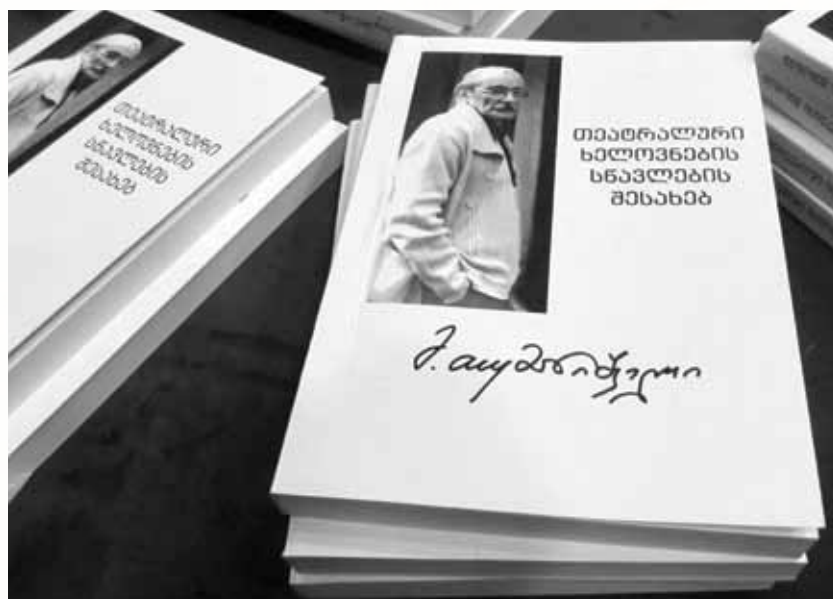
чение театральному искусству» – пятый по счету том. Учебник содержит практические упражнения для студентов, в нем даны определения таких понятий, как «сквозное действие», «событие», «событийный ряд», «фабула», указано, какими этюдами нужно работать с актерами. «Это уникальное по своему значению учебное пособие, настольная книга для актеров, режиссеров, театроведов», – отметила Васадзе. Во время презентации Лика Туманишвили поблагодарила всех коллег и близких, которые помогли ей обрабатывать архив отца. Рассказывая о книге, она вспоминала, что в 1958 году, когда у Михаила Ивановича учились Роберт Стура и Темур Чхеидзе, он поставил пьесу Альфреда Жери «Шестой этаж». «В то время Робик был студентом второго курса, у него был большой альбом, который он использовал в качестве дневника: делал записи на репетициях и зарисовки. Потом подарил его отцу, и эта объемистая папка хранилась у папы дома. Я попросила батони Роберта разрешить использовать его зарисовки в нашей книге, и он согласился», – отметила Туманишвили.

Михаил Иванович очень бережно подходил к процессу обучения: он ухаживал за питомцами, как в теплице лелеют растение, затем «выхоженных» в своем гнезде студентов приводил в театр. Среди его учеников много известных арти-

стов: Русудан Болквадзе, Гога Пипинашвили, Нино Бурдули, Гия Роинишвили... Он растил личностей, для него студент был индивидуальностью с независимым мышлением, чувствами, переживаниями, видением. Сначала он изучал внутренний мир студента, а потом подбирал метод работы с ним. К каждому из подопечных у него был особый подход, он не варил всех в одном котле. Туманишвили стремился к тому, чтобы после обучения его воспитанник самостоятельно, без помощи учителя, смог проложить себе путь в творческую жизнь. «В педагогике есть возможность, воспитывая молодых, воспитывать самого себя, чтобы не отставать. Творить, увлекаться и увлекать своей работой и выдум-

ками других. Вести за собой, постоянно быть возле молодых и иногда, когда они уже окрепнут, пропускать их немного вперед. Наконец, отпустить совсем. Лишь издали наблюдать за ними, но так, чтобы в любой момент прийти на помощь» (из книги «Режиссер уходит из театра»). Если у Туманишвили что-то не получалось, он искал причины в себе. Постоянно тревожился о том, что, возможно, у педагогов больше нет способности удивлять, будоражить воображение студентов, приобщать их к прекрасному. Или этому не уделяется достаточно времени. «Не верю, писал отец, что учеников нельзя направить на путь истины, ведь смогли же язычники обратить в христианство святая Нино и святые отцы-миссионеры. Как они справлялись с неверием? Было очень трудно, их не слушали, били, убивали, но они сами обладали большой верой и со временем находили путь к сердцам людей. Именно это считал отец главным назначением педагогики», – отметила Лика Туманишвили.

Роберт Стура начал свое выступление с небольшой долей самоиронии: «Вы, наверное, смотрите на меня, как на динозавра, притом этот динозавр уже с трудом ходит. Когда Гию Канчели спрашивали: «С каких пор вы дружите со Стура?», он отвечал: «С XVII века». Это я немного пококотничал перед вами. Хочется, чтобы мне сказали – хорошо выглядите, батону Роберт!». Режиссер признал-

Роберт Стура

ся, что сначала не хотел работать в театре, поступая в театральный институт, желал стать кинорежиссером. В тот период кинематограф переживал эпоху расцвета: французская «новая волна», итальянский неореализм, Феллини начал создавать свой неповторимый стиль. «Но что поделаешь, не отпустили меня в Москву, остался здесь. А если войдешь в театр, то все – оттуда уже не выйдешь», – признался Стура. По его словам, на первом курсе режиссерского факультета в группе было всего пять человек – две девочки и три мальчика, затем постепенно количество студентов стало увеличиваться. В процессе обучения учащиеся осознали, что на протяжении всего года не поняли, что такое режиссура, и были этим очень недовольны. Пошли к ректору и сказали, что отказываются посещать лекции, если им не назначат Михаила Ивановича. «Тогда подобный протест со стороны студентов мог очень дорого обойтись ректору, его могли снять или даже арестовать. Наверное, он испугался, и, как следствие, в нашей группе стал преподавать Туманишвили». Первая лекция Михаила Ивановича состоялась в аудитории №99, она длилась около двух часов. Именно тогда студенты поняли, какому искусству служат и что должны учить. Стура рассказал, что для него Учебная сцена связана с теплыми воспоминаниями, здесь он поставил свои лучшие студенческие спектакли – политическую сатиру и

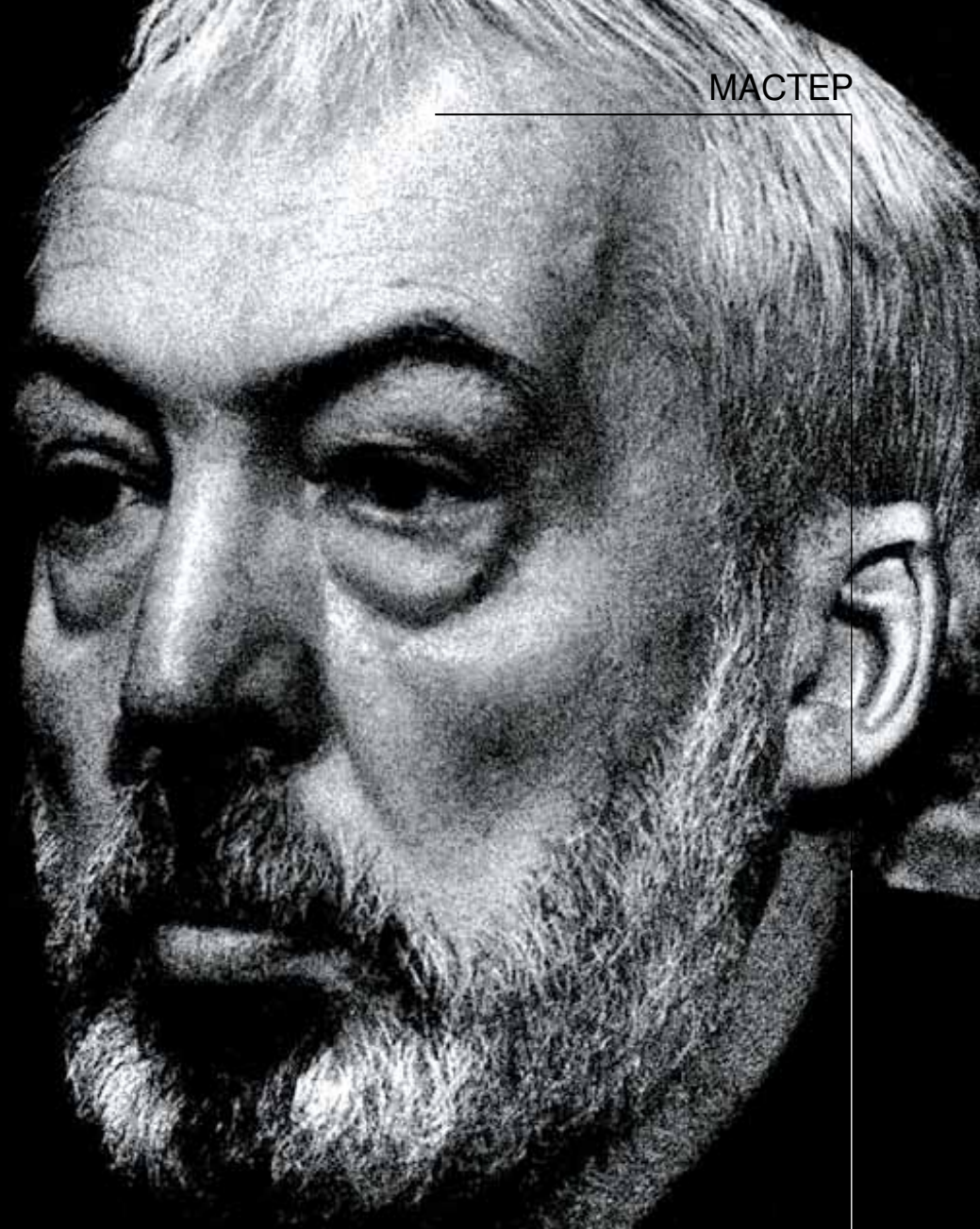
Зарисовка Р. Стура к спектаклю «Шестой этаж»

психологическую драму. Когда он начал работать над своей первой постановкой, то ожидал, что Туманишвили поможет ему. Но он не помог, и Стура немного обиделся на учителя. Содействие в подготовке спектакля ему тогда оказал Додо Алексидзе. А Михаил Иванович сказал Роберту: «Сначала ты должен понять, что тебе трудно делать спектакль, и потом я помогу». И правда, одну сцену из пьесы Виктора Розова «Перед ужином» ему поставил Михаил Иванович.

По словам Темура Чхеидзе, Туманишвили был не только великим режиссером, но и таким же незаурядным педагогом и человеком. Цитата, приведенная Ликой, что к каждому ученику нужен индивидуальный подход, не для красного словца, Михаил Иванович действительно работал таким образом. Он говорил, что «не раздает талант», и если человек может существовать без театра, он должен срочно оставить эту профессию. «Я иногда говорю первокурсникам: уходите, спасайтесь, пока не поздно. Театр – страшная игра, для большинства она кончается проигрышем и духовным разо-

рением. Спасайтесь, пока вы молоды и успеете найти более надежную дорогу в жизни. Не дай Бог, чтобы через несколько лет выяснилось, что у вас нет того дара, который единственно оправдывает избранный путь. Уходите куда-нибудь, все равно куда, но подальше. Ведь жизнь человеку дается один раз!» (из книги «Режиссер уходит из театра»). Чхеидзе подчеркнул, что с высоты прожитых лет понимает, что гениальный педагог был прав: «Огромное ему спасибо, склоняю голову перед ним. Если мы сможем передать своим студентам хоть четверть или десятую часть из того, чем он нас «пропитал», наполнил, это будет большим счастьем».

После выступления учеников Туманишвили был показан документальный фильм Георгия Сихарулидзе «Мыслитель», посвященный 100-летней годовщине со дня рождения Михаила Туманишвили и Ревазы Лагидзе. Темуру Чхеидзе было присуждено звание почетного профессора университета. Мероприятие завершилось награждением лауреатов XII Национального

ПОСТМОДЕРНИСТ С ЛЕНИНГРАДСКОГО ДВОРА

К 85-летию со дня рождения Андрея Битова

■ Алена ДЕНЯГА

Святая гора – Мтацминда. Храм Мамадавита, могила Александра Грибоедова...

Каждый раз, когда поднимаюсь на Мтацминда, невольно вспоминается вот что:

«С годами все чаще ищешь причину в прошлом и не находишь. В разреженном просторе детства тогда покажется, что все на виду. Впервые я был в Тбилиси еще в эпоху раздельного обучения. Мне было пятнадцать, то есть эта раздельность имела уже принципиальное зна-

чение. С большим волнением стоял я перед могилой Грибоедова. Пытаясь быть честным, могу признаться, что к «Горю от ума» это мало относилось – чувство мое было к могиле, и оно было сродни зависти. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!» Изящно коленапреклоненная плакальщица прижалась чугунным лбом к кресту. Гид сказал, что моделью скульптору послужила сама вдова. Я тут же поверил его

акценту. И никак не мог заглянуть ей в лицо, за крест, потому что грот был заперт решеткой. «Счастливчик!» – наверно, думал я, мечтая о юной красавице жене, всю жизнь после меня провдовевшей. Это ли значит, что «юность витает в облаках»: быть похороненным и оплаканным на чужой земле могло показаться мне счастьем!.. Я был влюблен в соседнюю, более скромную могилу – самой Нины. Еще не любив, я грезил у могилы о верности юной вдовы. Как

сказал один великий русский писатель: только русский мальчик способен, засыпая в мягкой постели, мечтать о страдании, о заточении в тюрьму, о каторге. Не уверен, что он прав во всех словах этого утверждения, но я – мечтал. На этой могиле я хотел умереть от любви...»

Эти строки Андрея Битова – из «Грузинского альбома», изданного в тбилисском издательстве «Мерани» в 1985 году и ставшего настольной книгой во многих тбилисских семьях.

В школьные годы я многого в ней не понимала. Но она меня манила и звала, и вместе с автором я погружалась в мир грузинского застолья, в его хитросплетения, в его параллельные миры – Нина Чавчавадзе и хозяйка Нана...

«...в Грузию я вернулся. Как домой... Будто Грузия была даже больше Россией, чем сама Россия, во всяком случае, больше, чем Советский Союз...»

В Грузии, на земле святой Нины, Андрей Георгиевич крестился...

Кто строит не себе – не тот в дому живет.

Кто создал жизнь – не ищет смысла жизни.

Мысль свыше – не сама себя поймет.

И путник сам себя в своем пути настигнет.

«После крещения». Батум. Июль, 1982

1937 год. Год рождения Андрея Битова. Роковой год. 1941 год. Блокадный Ленинград. Битову – 4 года. Семья эвакуировалась по Ладоге, спаслась... Желание стать писателем родилось в военном детстве. И оно реализовалось.

Его слог, его стиль, его умозаключения, гражданская позиция истинного интеллигента составляют удивительный многогранник.

«За одного Битова двух не Битовых дают»... Народное творчество самобытно. И только дай повод – Битов становится притчей во языцех.

«Пушкинский дом»... Один из ярчайших романов советского постмодернизма среди таких, как «Это я – Эдичка» Эдуарда Лимонова, «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева...

Толчком к созданию книги стал суд над Иосифом Бродским. Сперва был задуман рассказ, впоследствии доросший до романа, работа над которым

шла с 1964 по 1971 годы. Вначале «Пушкинский дом» попал в «жадные» руки читателей неофициально и неподцензурно изданный. Тогда самиздатовские копии кочевали из рук в руки, читались по ночам, и вновь начинался новый круг... И вот спустя семь лет – в 1978-м – роман выходит не на родине – его публикует американское издательство. Леву Одоевцева, героя «Пушкинского дома» – альтер-эго писателя, называли «Евгений Онегин советской эпохи». Андрея Битова окрестили первым постмодернистом в России. В Советском Союзе роман увидел свет на страницах «Нового мира» лишь в 1987 году.

Читая путевые заметки Андрея Георгиевича – «Книга путешествий», «Семь путешествий», «Путешествие к другу детства» – ты словно смотришь широкоформатный «роуд-муви». Визитная карточка писателя – это его взгляд извне, словно из другой реальности и возможно даже эпохи – на Россию, которая и есть Пушкинский дом, но «без его курчавого постояльца»...

«Нереальность – условие жизни. Все сдвинуто и суще-

ствует рядом, по иному поводу, чем названо. На уровне реальности жив только Бог. Он и есть реальность. Все остальное делится, множится, сокращается, кратное – аннигилируется. Существование на честности подлинных причин непосильно теперь человеку. Оно отменяет его жизнь, поскольку жизнь его существует лишь по заблуждению. Уровень судит об уровне. Люди рядят о Боге, пушкиноведы о Пушкине. Популярные неспециалисты ни в чем – понимают жизнь... Какая каша!»

«Пушкинский дом»

МЫ ПРОЖИЛИ С НИМ ОДНУ ЖИЗНЬ Резо ГАБРИАДЗЕ

Полвека близкой дружбы. Это уже не дружба, это совсем другое. Наверное, лучше все-таки сказать о нем – родной.

Я попал на Высшие курсы сценаристов в Москву случайно, совсем не рассчитывая там учиться. Я художник, не сценарист... Еще во время собеседований в общежитии мне дали прочесть «Пушкинский дом». Это был шок. Первое, что мне пришло после восторга, – это

мысль поехать на Курский вокзал покупать билет домой, в Тбилиси... Тогда и открылась дверь, вошел Андрей. И сказал:

– Никуда тебе не надо уезжать.

Я остался жить с ним в общежитии. Как с рентгеном. Он знал, он понимал обо мне все. Куда больше, чем я сам о себе. Он оберегал меня. Открывал мне мир. С теплотой, которую и не заметишь, и ничем не заменишь.

Он ввел меня в огромное здание Пушкина. И я, советский школьник, с моим «буря мглою небо кроет», «пойдет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит», очутился в огромном дворце. И он, Андрей, вел меня по залам этого дворца пятьдесят лет...

Я начал рисовать Пушкина. Сперва только для Андрея. Что еще мне было ему дарить?.. Так появились эти листки о Пушкине. Иногда в форме писем Андрею, иногда просто рисунки – сотни... нет, тысячи рисунков...

На них были истории, которые я старался придумать, когда был далеко от Битова. А когда мы встречались, Андрей обогащал их своими текстами.

Кое-что стало нашими общими книгами («Трудолюбивый Пушкин», «Пушкин и заграница», «Метаморфозы»).

Мы прожили с ним одну жизнь. Я не забуду его. Голос... И его глаза, суровые, вдруг становившиеся веселыми, как у мальчика. И заразительный его смех!..

Так мы дружили – звонками, книгами, приветами и приездами. Он приезжал в Грузию. Он говорил с моей мамой, которая не говорила по-русски. Он крестился в Грузии. Писал, иногда в какой-нибудь районной гостинице. Много чего он написал у нас...

Да не могу я назвать его просто другом!..

...Щедрый, добрый, благороднейший человек, с которым я встречался в жизни.

Андрея нет. Остался только Невский, 110. Остановка троллейбуса. И троллейбус, который здоровается с тобой, опускается одним колесом в яму, говоря мне глазами – Андрей дома. Он ждет. Узкий черный проход во дворе. А потом, как в спектакле — точно освещение прибили – узенький дворик, чья-то машина как украшение, как на-

Андрей Битов, Юрий Рост и Резо Габриадзе

Резо Габриадзе и Андрей Битов

помянутое о детстве – М-01, и окно на третьем этаже, и в окне Андрей...

СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Мне было восемнадцать лет, когда в 1967 году на дальней окраине Перми, в небольшом книжном подвальчике, я обнаружила книжку «Дачная местность, или Жизнь в ветреную погоду». Имя автора – Андрей Битов – было мне незнакомо, название показалось странным – не водилось таких в советской литературе. Книжку я открыла, начала читать «нараскрыв» и минут через десять купила. По мере чтения в следующие несколько дней этой небольшой книги жизнь моя, и я сама, начали меняться. Следующие год или два я считала себя одиноким (то есть единственным!) счастливым читателем Битова. Я искала и находила его предыдущие и новые книги («Путешествие к другу детства», «Аптекарьский остров» «Улетающий Монахов»). Но позже, когда мы переехали в Старую Пермь, в город читателей, литераторов,

студентов, у меня появились друзья, и выяснилось, что они все знают писателя Андрея Битова. Ну или почти все. А некоторые, так же, как я, были в него влюблены. Его слава была огромной, можно сказать – всесоюзной, но жила она в тонком слое людей молодых, или, точнее сказать, – новых. Обновлял их как раз Битов. Огромная слава была молчалива. Тиражи у писателя по тем временам были скромные – от десяти до тридцати тысяч экземпляров – такие счастливые для авторов и читателей были тогда времена. Но рецензий почти не было. Однако слава Битова росла стремительно.

Конечно, я не могла себе и представить, что мне предстоит познакомиться с Андреем Георгиевичем – это было бы, как познакомиться с Чеховым или с Толстым... Я и не стремилась, и не думала. Но судьба – свела.

Судьбою стала Грузия, в которую я с восьмилетней дочкой переехала с Западного Урала в феврале 1984 года. Еще в Перми, перед самым моим отъездом, грузинская девушка Ната Гончарова, учившаяся в

Пермском университете, дала мне телефон литературоведа и критика Гии Маргвелашвили. Она посоветовала непременно показать ему стихи. Я этот наказ исполнила.

Георгий Георгиевич, которого все с большим почтением звали Гия, работал в журнале «Литературная Грузия», знаменитом на весь Советский Союз тем, что первым печатал Ахмадулину, Евтушенко, Вознесенского... И многих других совершенно новых или, того хуже, «непечатных» авторов. Один номер в году «ЛитГрузия» целиком посвящала как раз таким, назывался такой выпуск торжественно: «Свидетельствует вещий знак». И собирал его как раз Гия Маргвелашвили. Я впервые появилась у Гии, когда готовился очередной выпуск. И Гия немедленно взял в него мои стихи. И я оказалась под одной обложкой с Андреем Битовым. Вот уж действительно, Вещий Знак. В этом выпуске был опубликован его восхитительный «Грузинский альбом». Надо сказать, чуть ли ни половина авторов этого номера стали моими друзьями – Наташа Соколовская, Илья Дадашидзе, Владимир Леонович, Юра Юрченко. Летом, в Доме творчества литераторов в Пицунде, мы познакомилась с Андреем Битовым. Там он дал мне прочесть еще теплую, только что им распечатанную рукопись – «Человек в Пейзаже»... Я была потрясена. Надо сказать, что к тому времени проза Битова давно не выходила нигде – в связи с его участием в альманахе «Метрополь»... Журнал «Литературная Грузия» публикацией «Грузинского альбома» прервал это проклятие. Почти сразу после журнала «Грузинский альбом» вышел в Тбилиси, в издательстве «Сабчота Сакартвело» «Мерани». Вся Грузия его и прочла. А уж потом и вся Россия.

Дружба с Битовым в Пицунде началась, в Тбилиси, Ленинграде и Москве продолжилась. На многие, многие годы. И так – до декабря 2018 года. Я и его дочка Аня были последними, кто видели Андрея живым... За три дня до смерти он говорил с нами о Пушкине, читал наизусть

переписку в стихах Пушкина с Филаретом. «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана? Иль зачем судьбою тайной ты на смерть обречена...»

Так он с нами простился.

Андрей был человек подарочный. У меня на полке чуть ли ни все его книги с дарственными надписями. Часто беру в руки, листаю, перечитываю. Испытываю блаженство. Великий писатель, правда. И человек прекрасный.

Он сделал мне еще один, невероятный подарок. Битов подарил мне своего лучшего друга – Резо Габриадзе.

Сделано было так. Я приехала из Тбилиси в Москву, было это примерно через год после выхода «Грузинского альбома». Мы случайно встретились с Андреем в издательстве «Советский писатель», где у меня лежала книжка стихов (да так и не вышла). А Битов пришел подписывать первый после многих лет договор на новую книгу. Подписал и позвал меня в гости. Славно посидели небольшой компанией, я засобиралась на ночной самолет в Тбилиси. И тогда он, руководствуясь какой-то тайной мыслью, достал из портфеля и протянул мне книжечку, толстенькую, но небольшую. Это была «Лолита» Набокова. Контрабандный, можно сказать, товар. Эта книжка даже в Штатах была тогда запрещена, не то что в СССР. Андрей попросил меня передать ее своему другу в Тбилиси. Он спросил меня: «Знаете в Старом городе театр марионеток Резо Габриадзе?» Я ответила, что слышала, но еще не была. «Вот и хорошо, – сказал Андрей, – заодно и в театр сходите. Передайте Резо от меня привет и книгу».

Я все исполнила. А у меня исполнилось счастье жизни – дружба с Резо Габриадзе. Драгоценная. На всю оставшуюся жизнь.

**«ВИДЕТЬ ИХ ВМЕСТЕ
БЫЛО РАДОСТЬЮ»
Марина ДМИТРЕВСКАЯ**

Битов достался мне от Резо Габриадзе.

Слово «Андрей» обознача-

ло только его, Битова, и никого другого, оно произносилось часто и с безмерным уважением – как ссылка, сноски, восхищение умом. «Андрей» было как бы частью самого Резо (а Резо был его частью).

Этот союз «льда и пламени», радио и интуиции, не был мирным, он состоял из ссор и примирений, взрывался, как выяснилось позже. Но тогда мы не

«Мой друг Битов»

были еще знакомы с Андреем Георгиевичем, и до меня долетали только осколочные сведения исключительно идиллического характера.

– Андрей научил меня покупать в европейских магазинах мужские игрушки. Зажигалки, фляжки... Вот тебе немецкий брелок.

(Этот брелок так и скрепляет мои ключи с того 1988. И физи-

чески, и символически мне это важно).

– Я крестил Андрея в Моцарте...

(Попав десятилетия спустя в Моцарту, первое, что я подумала: тут Резо крестил Битова).

– Мы с Андреем издали у Синявского 100 экземпляров «Пушкина в Испании», дали ему, невыездному, визу. Вот тебе экземпляр №7...

(Книжку я полностью перепечатала в книге «Театр Резо Габриадзе как эстетический феномен» совсем недавно).

– Ты должна пойти сегодня в Щукинское училище, там поставили «Пушкинский дом». Андрею это будет важно.

И Резо буквально за руку вел меня темной Москвой 1990-го в обшарпанную Щуку (самто идти не хотел), и я шла, хотя точно знала, что «Пушкинский дом» Битова – та редкая книга, которую нельзя сыграть в театре. Телефонную, как известно, можно, а вот «Пушкинский дом» – нет. Более того, я точно знала, почему нельзя, и шла на спектакль удостовериться в своей правоте. Но в тот момент, когда нас рассадили в фойе училища, я почувствовала, что все, окружающее немногочисленных зрителей, имеет отношение к

Битову и «Пушкинскому дому». Это был прекрасный спектакль Гария Черняховского, настолько интересный, что мне захотелось привезти его в Ленинград-Петербург, в пространство Пушкинского дома-города, и какими-то невероятными усилиями я организовала это, и «Пушкинский дом»-спектакль был сыгран в Ленинграде, причем в трех разных интерьерах и по-разному. Это был подарок: увидеть спектакль в несхожих пространствах культуры, понять и почувствовать собственно театр, попробовать разгадать тайны успеха и провала. Как поведет себя живая материя спектакля в новых условиях? В разных условиях разных Пушкинских домов-домов? Об этом потом я написала большую статью в журнале «Театр» и до сих пор считаю ту историю одним из увлекательнейших приключений своей театральной жизни. И мечтаю о театральной лаборатории, в которой несколько режиссеров раскидали бы главы романа по разным локациям одного театра – и на день театр превратился бы в Пушкинский дом-театр... Авось когда-нибудь. Хотя что сегодня говорить об исчезающей культуре. Поздняя метаться. Она никого не

спасла...

Живой Битов входил в мою жизнь через квартиру его первой жены Инги Петкевич на Невском, 110. Здесь всегда останавливался, приезжая в Ленинград, Резо. Эту квартиру, этот двор в его «историческом развитии» Битов описал достаточно недавно в эссе «Странноприимный двор» в сборнике «В Питере жить». Я и сейчас часто захожу в этот двор, он очень много значит для меня. А тогда – запустение и полумрак старого фонда, богемная неприбранность, «Инга сварила борщ, хочешь?», книги и картинки на стенках...

Ну, а дальше, в начале 90-х, во время войны с Абхазией, слово «друг» зазвучало (в том числе в письмах) саркастически и гневно: Резо подозревал Битова в каких-то плохих связях с Абхазией, стонал, мучился, не мог простить...

Дальше, конечно, они помирились и что-то там созидали в Германии...

Когда мы познакомились с Андреем Георгиевичем лично – точно не помню. Иногда я брала у него маленькие интервью, иногда он меня переставал узнавать... Я точно не была для него артикулированным персонажем.

«Рамона»

А потом, после многолетней паузы, мы заново встретились с Резо. К этому моменту уже была написана и издана моя книга «Театр Резо Габриадзе», о существовании которой Резо узнал в прямом телевизионном эфире от ведущего... Короче, в жарком мае 2005 московский Дом актера организовал презентацию этой книги, и на нее приехал Битов. После онкологической операции, еле живой, он приехал по пробкам и жаре из загорода, чтобы выступить. И начал говорить. Я очень волновалась в тот момент и слушала вполуха, но отчетливо услышала рассуждения Битова о том, как Резо умеет сделать своим – что угодно, присвоить элементы разных культур и авторов. Это была вполне аксиоматичная мысль, но вдруг я почувствовала, как сидящий рядом со мной герой книжки «Театр Резо Габриадзе» как-то весь багровеет и напрягается... А в следующую секунду книга полетела прямоиком в стоящего Битова, а дальше Резо вскочил и начал кричать, не обращая внимания на сидящих зрителей – и больной Битов вынужден был боком-боком просто уйти из зала восвояси...

Праздник был испорчен и закончен, мои друзья и друзья Резо возмущенно покинули Дом актера, о запланированном ши-

роком застолье в «Мадам Галифе» не могло быть и речи, наличного состава осталось – несколько человек. Мы уныло тащились по Старому Арбату, и я говорила: «Значит, так, Резо, если сейчас же ты не дашь мне честное слово, что сегодня же извинишься перед Андреем, – ни в какое «Галифе» я не поеду и вообще ты меня больше не увидишь». Хорошо помню этот момент, плитку Арбата под ногами и радикальность своего тона...

И, что вы думаете, наутро в квартиру друзей, где я жила, таки позвонил низкий голос. Битов. «Марина, Резо велел мне сообщить вам, что он извинился передо мной и я его простил. Сообщаю. Простите и вы его. Ну что делать, у нашего с вами друга маниакальное сознание, он решил, что я обвиняю его в плагиате... А теперь я хочу сказать о вашей книге то, что он не дал мне сказать вчера публично...» И я прослушала много лестного.

Видеть их вместе всегда было радостью, и мой фотоаппарат жадно ловил двойные портреты этих легендарных друзей с полувековым стажем, обогащавших друг друга как мало кто. Особенно хорошо бывало, когда они смеялись. А вообще-то были мрачноватые...

В одном из интервью (давно уже, лет пятнадцать назад)

Битов говорил мне вещи, очень важные здесь и сейчас, в момент колоссальной катастрофы. Если бы в России слушали художников!

«Наше вечное русское отставание происходит оттого, что мы хотим сразу все опередить. Нет, полетись ты немножко за историческим опытом. У нас столько земли, столько богатств, столько талантов на зависть всему миру, что надо перестать комплексовать – и тогда мы станем чем хотите – хоть державой. Избавление от комплексов для России – это победа. Любая попытка что-то опередить и заместить – это комплексы, а свобода – это существование без комплексов...Хватит изобретать. Надо просто работать, отдавать душу, чтобы все шло тихо, плавно, спокойно, а для этого нужно время и уверенность в том, что то, что я делаю, – свобода. Свобода стоит дороже, чем любой пиар, славу не надо эксплуатировать, она растет, как живая. Часто кажется, что, соревнуясь с живым, неживое побеждает. На самом деле это не так, травинка пробирует асфальт».

Фото использованы из личных архивов А. Бердичевской, М. Дмитриевской и открытых источников

СЕКРЕТЫ ТАИНСТВЕННОГО ЖАНРА

— **Нелли СКОГОРЕВА**

Сегодняшний наш герой может быть интересен вам своей необычной профессией. Ну, а мне – просто тем, что он – мой сын.

Итак, иллюзионист Алексей Гигаури «под лупой» своей мамы...

– Мама берет интервью у сына – несколько нестандартный сюжет... Леша, я позволю себе быть пристрастной, а тебя прошу быть предельно честным. Уверена, что читателям журнала будет интересно узнать, как ты выбрал свою профессию, такую редкую?

– В своих интервью я по-разному описывал это событие. Правда иногда бывает интереснее вымысла, а порой и наоборот. Ты просила быть чест-

ным, поэтому сегодня – только правда. Хотелось бы, чтобы это было красочно, интересно, как в кино, но я ничего специально не выбирал. Это был неосознанный выбор, в 12 лет он и не мог быть особенно осознанным. К сожалению, это скучная история. Сначала я просто хотел быть необычным, заметным, потом мне попала детская книга по фокусам, я начал пробовать, получалось довольно успешно, и пошло-поехало. Я уверен, что

в жизни надо заниматься тем, что хорошо получается.

– **Давай обозначим твой бэкграунд. Перечисли твои основные проекты.**

– Первый большой проект, конечно, был на моей исторической родине. Это случилось случайно, но достаточно симптоматично – телевизионный проект «Ничиери» в 2013 году на грузинском телевидении, где я был в финале. Дальше была

«Минута славы» на Первом канале уже в России, там я тоже дошел до финала. Потом программа «Невозможное возможно», которая шла два года на канале «Карусель», где я обучал детей фокусам. Она даже впервые в истории получила первую премию на международном фестивале программ для детей. Дальше «Все, кроме обычного» на канале ТВЗ. Это была битва фокусников, там я тоже оказался финалистом. И, наконец, сейчас готовится шоу на ютубе под названием «Че по фокусам?». На момент нашей беседы оно еще не вышло, но, когда это интервью будет опубликовано, возможно, уже будет в доступе. Еще был театральный проект по японской франшизе «Гир. Механическое сердце», который прожил сезон, и стал для меня очень интересным цирковым опытом.

– Расскажи про свое участие в грузинском проекте.

– Попал я туда так же неожиданно, как и начал заниматься фокусами. Как-то я смотрел на ютубе разные программы с фокусниками и увидел шоу «Ничиери», где фокусник Ник Малфой показывал свое мастерство. В очередной мой приезд летом в Тбилиси в первый же день, гуляя по Руставели, я вдруг увидел

Малфоя. Это классика Тбилиси. По-моему, на Руставели можно встретить всех на свете! Я подошел, познакомился, и он свел меня с Дато Робакиде, тоже фокусником. Сейчас он живет в Америке, мы дружим до сих пор, я часто приезжаю к нему в Майами. Кстати, Дато и сегодня в Тбилиси узнают пограничники. Так вот, Дато сказал, что идет кастинг на «Ничиери», иди, мол, попробуй. И я пошел. Показал номер, где должен был проглотить пять лезвий. Раскрою небольшой секрет, перед показом надо было затупить лезвия, так безопаснее. Но я почему-то в свои 16 лет решил, что это будет недостойно моего профессионального уровня, пришел туда с пятью острейшими лезвиями и, естественно, порезал себе пол-рта и пальцы, кровь капала с меня всю. Потом я показал фокус с картами, которые уже тоже все были в крови. На меня смотрели, как на идиота. Но, похоже, увидели во мне интересного персонажа, да еще не говорящего по-грузински. В общем, меня взяли, и я дошел до финала. Помню, в первом туре, где-то в середине фокуса, из центра зала в филармонии раздался возглас «Сакартвелос гаумарджос!» Очевидно, это имело отношение ко мне. На что актриса Ия Парулава,

которая была в жюри, повернулась лицом к залу и сказала, что этот мальчик – грузин, и так себя вести – некрасиво, за что я ей благодарен. Дальше все пошло гладко. Зал принимал меня очень тепло, жюри даже назвало меня «грузинский Гудини», что очень почетно. Вообще я очень люблю Тбилиси. Я здесь родился, как тебе хорошо известно. Приезжаю сюда каждый год, подпитываюсь энергией, успокаиваюсь. Иногда просто на улице с удовольствием показываю фокусы прохожим, и, хочу отметить, публика здесь очень благодарная и эмоциональная.

– Леша, ты очень трудоспособен, и это не только мое мнение. В чем корни этого качества? Кроме генетики, конечно?

– Мне кажется, что это большой природный запас внутренней мотивации, которая все эти годы двигала мной, направленная на то, чтобы стать первым в своем деле.

– Я с тобой поспорю. Можно много хотеть, но мало добиться. Почему не вспомнить твое «бурное» детство? Оно было наполнено искусством, и потом это тебе очень помогло. Я имею в виду твои

отношения с телевидением и театром.

– Да, ты права. Когда мне было восемь лет, ты меня отдала в Школу телевидения Останкино, где я проучился два года. Там меня заметили продюсеры детских программ, итогом чего стали съемки в течение трех лет в двух разных программах на разных каналах в качестве ведущего. Это был прекрасный телевизионный опыт, связанный с дикцией, с работой в кадре, с дисциплиной. Тогда же, кстати, у меня взяли первое интервью, и это было очень смешно – десятилетнему мальчику задали политический вопрос и получили вполне дипломатичный ответ. Одновременно я попал в молодежный театр, мне очень повезло с режиссером Кириллом Королевым, который воспитал меня в смысле работы актера на сцене. Я там служил восемь лет, было роли, награды, фестивали... И все это, конечно, в итоге пригодилось в работе фокусника.

– Не могу не упомянуть эпизод, который ты, наверняка, не помнишь. Тебе два года, я впервые привела тебя в театр имени Грибоедова на детский спектакль и очень волновалась, досидишь ли ты до конца. На удивление, ты просидел, не шелохнувшись, с интересом смотрел на сцену, а в конце так самозабвенно аплодировал, что вы-

звал восторг у всех зрителей. Леша, на мой взгляд, ты очень консервативен – на твоём международном навигаторе в основном две страны – Грузия и Америка, хотя ты бывал во многих других странах. Как обстоят дела с иллюзией в этих странах?

– Хороший вопрос. Исторически сложилось так, что США – лидер мировой коммерческой магии. Если говорить о больших шоу, спецэффектах. Это то, как вы себе представляете Дэвида Копперфильда и все вокруг него. Почему так произошло? Тому много причин. Пока Советский Союз находился за «железным занавесом», к нам практически не поступало информации. Необходимым условием, чтобы фокусы развивались в отдельной стране, является доступ к информации, потому что без нее ты не выучишь фокусы. И соответствующего высшего образования в стране не было, кроме циркового училища. Кроме того, обязательно надо было иметь доступ к технологиям, которые на Западе начали существовать еще в позапрошлом веке. Американцы создали Лас-Вегас – город, в котором всегда большой поток людей, ориентированных на развлечения. Там постоянно открывались новые фокусные шоу, но, что важно, нельзя было менять шоу каждый год, потому что это очень долго и дорого. Поэтому нужно было делать шоу на 10-15 лет. А

для этого необходимо постоянное место, в котором меняются зрители. Вокруг Вегаса начала расти инфраструктура, стали появляться инженеры, создающие фокусникам реквизит, и еще много людей, которые будут потом обслуживать это шоу. За 100 лет Вегас вырос. Там американцы построили целую индустрию. Грузия, которая была в составе Советского Союза, соответственно, была также отрезана от информации. В Грузии было несколько очень интересных иллюзионистов старой школы. Например, Зураб Вадачкoria. Или Рафаэль Циталашвили, который изобретал и создавал реквизит для Дэвида Копперфильда. Но фактически в России и Грузии этот жанр начал свое существование только после развала Советского Союза, поскольку появилась информация. Аналоговые носители информации перешли в электронные, и любой человек в любой глубинке получил доступ к любому фокусу. Так получилось, что как раз мое поколение фокусников, тех, кому сейчас по 25 лет, начало заниматься, когда вся информация уже была доступна – в интернете, например. Проблемой является то, что в Грузии нет корпоративного рынка, который есть в России. Это инструмент, позволяющий фокуснику жить и зарабатывать, больше ничем не занимаясь. Но современному иллюзионному жанру всего 30 лет, поэтому у нас еще много

вперед. Справедливости ради надо добавить, что в Советском Союзе был Госцирк, где большие иллюзии показывали братья Кио, например. Для своего времени это было, наверное, впечатляюще. Но сейчас все это – позавчерашний день.

– В 13 лет ты снимался в телевизионном проекте «Удиви меня» в Питере. Я ездила на съемки с тобой, и меня поразила атмосфера, царящая между вами, фокусниками. Вы были очень доброжелательны друг к другу, все переживали за всех. Не завидовали друг другу, хотя и были конкурентами. Так продолжается и сейчас?

– Справедливое замечание. У нас внутри тусовки очень нетоксичные отношения, все друг к другу относятся с трепетом. Я думаю, это еще и потому, что нас, в принципе, мало. Нам некуда друг от друга деться. И, если ты живешь в Москве, ты по любому постоянно сталкиваешься с другими фокусниками – если не во время работы, то в спецмагазине, в объединенном клубе фокусников, на международном Форуме иллюзионистов, который проходит раз в год. Кроме того, мы все обременены огромным количеством знаний, и эти знания секретные. Поэтому только фокусник может понять на сто процентов, что я говорю и думаю. Я не могу, например, обсудить свои новые задумки не с фокусником. А так как больше половины того, что происходит у меня в голове, связано с фокусами, то, получается, я только с коллегой и могу полноценно поговорить. Это как общество масонов, у нас есть общие тайны. Поэтому все мои друзья в основном фокусники. Главное, все умные, с быстрыми мозгами, креативные. Иначе не придумаешь фокус! Ведь фокусы очень развивают мозг, недалекий человек никогда не станет фокусником. Поэтому и дружим, мы интересны друг другу. Очень важно и то, что все мы чувствуем свою ответственность за то, чтобы двигать этот жанр в нашей стране.

– В твоей работе, наверное, бывает много форс-

мажорных случаев?

– Бывает. Одна международная компания наняла меня постановщиком. Мероприятие должно было пройти в Дубае. Они привезли туда 1000 человек со всей России, были потрачены миллионы рублей. Я ставил номер, с которого начиналось это действо. Так вышло, что в первые десять секунд человек на сцене сломал ногу. Его нельзя было передвигать, и в итоге он час пролежал на авансцене, все ждали «скорую». За это время зрители успели напиться, и никому уже ничего не надо было... Такая смешная-грустная история. А вот смешной случай. Недавно я приезжаю на серьезное мероприятие. Выступаю. Подхожу к столу, там сидит большой бородатый человек кавказской внешности. Дагестанец, почему-то подумал я про себя. Я прошу его задумать любую цифру от одного до десяти. Он задумал и очень скептически на меня смотрит. Я прошу – теперь

посчитайте вслух от одного до десяти, я должен угадать вашу цифру. Он решил меня подколоть, так вообще часто бывает, и начал считать на грузинском. Как он мог подумать, что я умею считать по-грузински? Сидит такой довольный. А я говорю – когда вы сказали «сами», у вас бровь дернулась, значит, вы загадали цифру «три». Он ужасно удивился, а я признался, что я грузин, он снова очень удивился, когда понял, какая сложная многоходовочка произошла...

– Вообще, люди по-разному относятся к фокусам, правда?

– Конечно. Есть люди, которые катастрофически не переносят этот жанр. Кто-то считает, что это просто бред, и смотрит на нас, как на психов. Кому-то это кажется прикольным, но их раздражает, что ты их как бы обманываешь. Например, мой друг недавно показывал фокус незнакомой девушке в баре.

Она оказалась негативным зрителем, это вызвало у нее раздражение, и она сказала: «Я не верю». Я понял, что часто слышал именно эту фразу, и спросил у нее: «Во что именно ты не веришь?» По ее логике, видимо, тот, кто показал ей фокус, подумывал, что это настоящее чудо, и она должна поверить, что это чудо. Но ведь это не так. Фокус — это искусство мозгов, рук, актерского мастерства, подачи и так далее. Мы же не утверждаем, что мы — волшебники. Мы просто предлагаем вам приятную эмоцию — удивление, рожденную нашим мастерством и профессионализмом. Поэтому говорить «я в это не верю» — некорректно. Это все равно, что сказать «я не верю своим глазам». Тем не менее таких людей много, особенно, на территории постсоветского пространства. Видимо, люди привыкли, что их хотят обмануть, провести, унижить. Поэтому мне приходится на корпоративах показывать такие фокусы, которые завязаны на представлении людей о том, чем я, по их мнению, занимаюсь. Например, успехом пользуется фокус с наперстками. С приклатненным флером. Именно этого они от меня и ожидают, хотя мне это вообще не интересно.

— Какова твоя целевая аудитория? Кто он, твой зритель? С детьми ты ведь нечасто работаешь?

— Когда речь идет о корпоратах, то это, конечно, обеспеченные люди. А если говорить в обобщенном смысле, то это зрители от 15 до 65 лет. Некоторые люди совсем старшего возраста, к сожалению, не очень принимают мой поджанр. Если бы я работал с конфетти, шариками, голубями, кроликами, переодеваниями, то это было бы для детей и старшего поколения. Но мой поджанр — это форма, где много психологических, сложносочиненных конструкций, ментализма, каких-то нестандартных ходов, юмора на злобу дня и, конечно, современных гаджетов, приложений. То есть нужно внимательно смотреть и слушать. Мои фокусы связаны в первую очередь с мозгами, поэтому дети не включаются в эту историю.

— У всякого успеха есть обратная сторона. Чем ты платишь за успех?

— На сто процентов плачу. Всем! Своей жизнью. Если хочешь сделать что-то невероятное в своей профессии, такое, чтобы после тебя люди пользовались твоими трудами, дости-

жениями, то приходится всем жертвовать. Все зависит от цели, куда ты метишь. Если просто зарабатываешь деньги, это одно, а если у тебя глобальные идеи, то приходится жертвовать всем. Я жертвую здоровьем, например. У меня перепутан день с ночью. Я люблю ночью придумывать, поэтому в свои 25 лет выгляжу старше.

— Ты выглядишь старше, потому что умный.

— Да, ты определенно страстна... Я жертвую временем, которым обделяю свою девушку. И даже тебя. Я выступаю с 15 лет, у меня было 3000 корпоративов. Но я жертвую и деньгами. Мало кто знает, но фокусы, если серьезно ими занимаешься, это как очень дорогой вид спорта. Поло, например. На территории России не производят и не продают ни дивайсов, ни реквизита, ни больших иллюзионов. Нет инженеров, нет консультантов. Поэтому я покупаю все необходимые высокотехнологичные дивайсы и реквизит по всему миру, а это недешево. Так что жертвую и деньгами, и здоровьем, и временем, и силами, и личными отношениями...

— Может статься, цель оправдывает средства?

— А этого никто не обещал!

— В твои 25 лет можешь сказать, в чем, по-твоему, смысл жизни?

— Я слишком мал и ничтожен, чтобы это понимать. Но, по моим личным ощущениям, надо жить с кайфом. Каждый день радоваться жизни. Это я понял в свете последних событий. Глупо выстраивать какие-то многолетние долгосрочные планы (при этом все равно держать в голове свою идею-фикс!). Все может разрушиться в одну минуту, и ты останешься у разбитого корыта. И если ты реально получаешь удовольствие от своего пути, пусть маленькие, то, когда это разбитое корыто все-таки окажется у твоих ног, ты будешь на него смотреть, ни о чем не жалея, потому что знаешь — все прожитое время тебе было очень круто. И ничего это не изменит, даже корыто, и ничто не

помешает начать все сначала по тому же принципу.

– Чем ты интересуешься, кроме профессии?

– Меня интересует все, что касается искусства, поскольку это одни и те же ходы, одна структура. Условно говоря, любой фокус, который идет три минуты, имеет такую же структуру, как фильм, который идет три часа. Такие же экспозиция, завязка, событие, кульминация. Поэтому я обожаю кино и, кстати, недаром проучился три года во ВГИКе на продюсерском факультете и имел возможность в таком замечательном месте профессионально изучать кино. Я обожаю музыку, с нее начинается творческий процесс фокуса. Всегда сам подбираю ее на каждый номер. Очень люблю театр. В последнее время меня интересует история – России, Грузии, США, Европы. И, конечно, люблю путешествовать.

– Я знаю, как непросто дается тебе новый проект. Расскажи о нем.

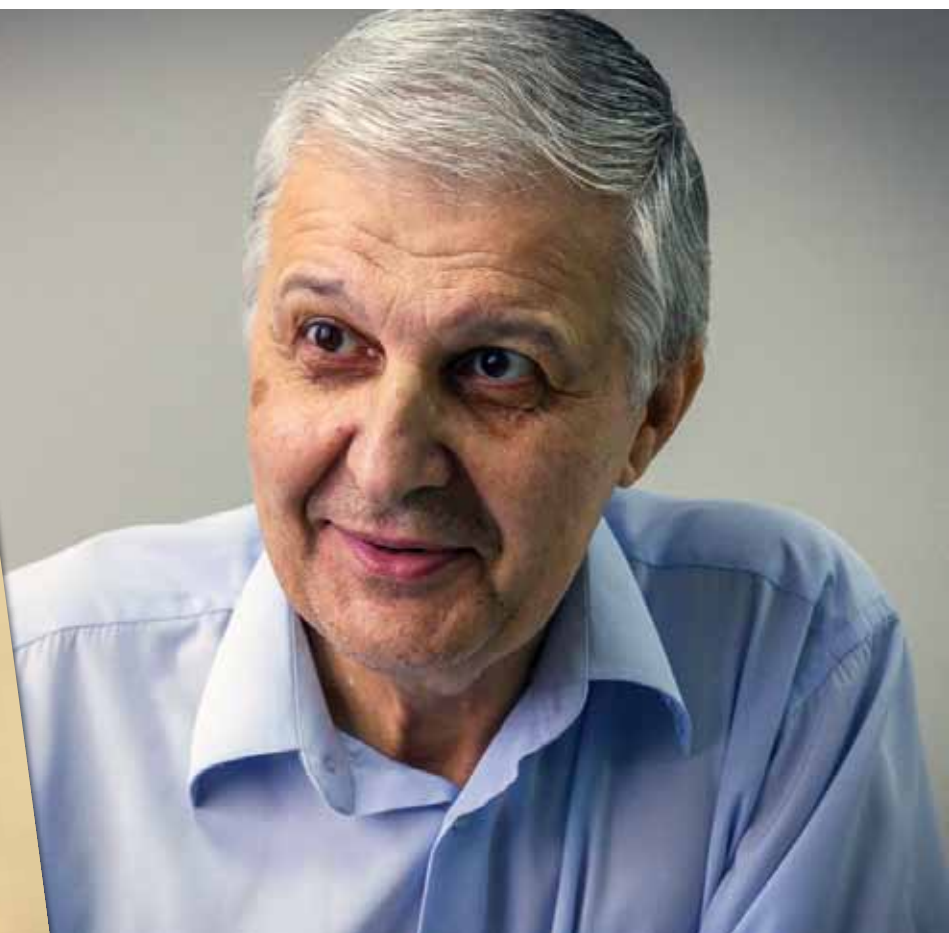
– Так сложилось, что в русскоязычном ютубе это самая первая попытка снять проект с фокусами на русском языке в жанре «импосибл меджик» –

«невозможная магия». Выглядит так: есть два фокусника, я и мой друг Назар Каюмов. К нам приходят популярные звезды шоу-бизнеса, мы показываем им фокусы. Они выбирают, чьи фокусы на них произвели наибольшее впечатление, и «проигравший» исполняет желание «выигравшего». Такая игровая форма. Но суть в том, что показываю фокусы, которые невозможно разгадать и понять, как они делаются. Даже пересмотрев много раз, даже посмотрев в замедленном режиме, даже отдав видео на экспертизу. Когда ты показываешь это человеку вживую, то он не может второй раз пересмотреть у себя в памяти то, что ты показал. Одно из главных правил фокусников – не показывать второй раз фокус одному и тому же человеку. И когда ты снимаешь шоу, возникает проблема – если ты показываешь фокус, который сконструирован для показа вживую, то при записи на камеру есть большая вероятность, что те, кто будет это пересматривать, теоретически могут что-то заметить. Поэтому для жанра «импосибл меджик» нанимают специальную команду консультантов, которые придумывают именно такие фокусы. Так де-

лают в Америке. Например, Дэвид Блэйн. Но это очень дорого и очень сложно. Поэтому в России такого никогда не было. А мы рискнули и сами, без консультантов, попробовали поработать в этом жанре. Сами придумали все фокусы. Это первый эксперимент, первая попытка на качественно новом уровне показать фокусы большой аудитории. На съемках было непросто. Когда показываешь фокус обычному человеку, то все находится в правильном балансе – ты профессионал, ты знаешь, как нужно делать. Человек неподготовленный не знает, чего ожидать, и ты его обязательно захватишь происходящим. Но если же перед тобой «звезда», то, конечно, все в сто раз сложнее, нервнее, тяжелее. Звезды видели все. И наши гости пробовали многие ходы, которые мы употребляли, ведь они были готовы, у них мозг уже заранее работал в этом направлении. Но у нас, похоже, все получилось!

– Леша, каким ты видишь себя через десять лет?

– Сидящим здесь же и дающим тебе очередное интервью. А если серьезно – то счастливым человеком.

Михаил Айдинов

«СИЛЫ ПРИДАЕТ ЛЮБОВЬ»

■ Соб. инф.

Вечер, посвященный 30-летию Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион», выпуску 35 номера литературного альманаха «На холмах Грузии», юбилею руководителя «Ариона» и редактора альманаха Михаила Айдинова прошел в Тбилисском Доме дружбы. Вечер вылился в подлинный праздник культуры. Юбилея приветствовали секретарь Союза писателей Грузии Мзия Хетагури, руководитель «Совета национальных меньшинств Тбилисского саkreбуло Рита Хидирбегишвили, директор ТВ-24 и института конфликтологии Бадри Начкебия, проректор Сухумского университета Индира Дзаганя, протоиерей церкви св. Александра Невского Владимир Александров, редактора газет «Вечерний Тбилиси» Вадим Анастаси-

ади и «Врастан» Ван Байбурт, советник посольства республики Беларусь в Грузии Елена Малиновская.

Выступления авторов альманаха перемежались концертными номерами. Популярная песня Луи Армстронга и Френка Синатры исполнила лауреат Международного конкурса «Золотые голоса» Кристина Рестакаян, авторские песни – Юлия Ключникова. Запомнились мелодекламации Михаила Ананова, стихотворная переключка грузинского поэта Мзисо Наврозавили и переводчика Георгия Кевлишвили, перевод с английского доктора исторических наук Иване Ментешавили.

Наш собеседник – руководитель «Ариона», главный редактор газеты «Многонациональная Грузия» и альманаха «На холмах Грузии» Михаил Айдинов.

Титулов и наград Михаи-

лу Юрьевичу не занимать. Он – председатель Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии, координатор Совета лидеров этнических меньшинств, кавалер ордена Чести, лауреат премий Давида Агмашенебели и Иване Мачабели, лауреат IX Международного литературного форума «Золотой витязь», Посол мира ООН, заслуженный журналист Грузии, обладатель званий «Попечитель грузинской культуры» и «Рыцарь толерантности», Гран-при международного центра Public relation за цикл статей в жанре расследования. А еще у него – статуетка «За честь и достоинство в журналистике», ордена «Орел Кавказа» и «За верность и любовь к отечеству», памятная медаль президента Татарстана Минтимера Шаймиева, медали «За мирный Кавказ», «Петра и Февронии»... Всего и не перечислишь.

Газеты, которые он редактирует, неоднократно назывались самыми толерантными газетами Грузии, побеждали на различных конкурсах. Михаил Айдинов трижды получал звание лучшего журналиста в Грузии, выигрывал аналогичные конкурсы в рамках Закавказья и СНГ.

– В чем «фишка» альманаха «На холмах Грузии»?

– Альманах – орган «Ариона», изюминка каждого его номера – публикация пьес. Как и другие литературные издания, мы публикуем поэзию, переводы, прозу, эссеистику, публицистику, критические и литературоведческие статьи. А вот пьесы в каждом номере – это наше «ноу хау». Благодаря интернет-версии о нас узнали и в других странах. Так появилась рубрика «У нас в гостях», где публикуются известные русскоязычные авторы из Российской Федерации, Беларуси, Армении, США, Канады, Германии, Испании, Люксембурга и Греции.

– Расскажите, пожалуйста, о деятельности НПО, которое вы возглавляете?

– В рамках «Ариона» регулярно проходят лекции, творческие вечера, концерты бардовской песни, презентации очередных номеров альманаха «На холмах Грузии» с участием звезд грузинской эстрады, отмечаются юбилеи классиков литературы и ныне здравствующих авторов. У нас в гостях бывали популярные поэты и писатели из Российской Федерации. Мы проводили вечера азербайджанской, армянской, украинской и белорусской литературы. Одним из главных направлений своей деятельности считаем популяризацию грузинской литературы, много переводим как грузинских классиков, так и современных авторов. С 1991 года мы проводим митинги в день рождения Пушкина у бюста поэта. Представьте себе, как это было непросто в период гражданской войны, массовых митингов, рядом с палатками голодающих, во время обострения российско-грузинских отношений, в пандемию коро-

С Вахтангом Кикабидзе

С Эрнстом Неизвестным

навируса. Хорошая традиция «Ариона» – проведение конкурсов, посвященных юбилеям Пушкина, Лермонтова, Горького, Грибоедова, Ахмадулиной, Высоцкого, творчество которых тесно связано с Грузией. А итоги нашего традиционного конкурса «Как сохранить язык Пушкина на земле Руставели» мы подводим во Всемирный день русского языка.

В течение 15 лет я был деканом факультета журналистики Международного молодежного института «Тбилиси». Под эгидой Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии действуют курсы журналистского мастерства. Горжусь своими учениками, которые сейчас работают пресс-секретарями в посольствах нескольких стран, корреспондентами телекомпаний «Имеди», «Мир», «ТВЗ», общественного телеведущего, газеты «Вечерний Тбилиси», многих зарубежных изданий.

– Как вашим изданиям удалось выжить в условиях жесткого рынка?

– «Многоязычная Грузия» – орган Общегражданского движения «Многоязычная Грузия» – в первые годы существования выходила при финансовой поддержке фонда «Открытое общество – Грузия». На первом этапе, благодаря двум грантам, нам удавалось даже печатать ее грузиноязычный дубликат, что позволяло доносить нашу позицию до более широкой аудитории. Позднее газета

стала подписной. Среди ее подписчиков – члены парламента, правительства, офис Народного защитника, крупные организации – государственные и неправительственные, организации национальных меньшинств, редакции газет и телекомпаний, посольства зарубежных стран в Тбилиси, частные лица. «География» подписчиков широка – Батуми, Ахалкалаки, Ниноцминда, Рустави, Гардабани, Тбилиси.

– Чем «удивляет» своих читателей «Многоязычная Грузия»?

– Стараемся держать руку на «пульсе» межнациональных отношений, не оставляем без реагирования «язык вражды», заставляя публично извиняться политиков, журналистов, политологов, позволяющих оскорбительные для национальных и религиозных меньшинств высказывания. В газете печатались эксклюзивные материалы, в их числе например, – закрытое постановление парламента Грузии при ратификации Рамочной конвенции по вопросам национальных меньшинств, перевод Соглашения об ассоциации Грузии и Европейского Союза, отчеты мониторинговых групп ОДНГ на президентских, парламентских и муниципальных выборах.

– Расскажите о вашей деятельности в сфере межнациональных отношений.

– Совет лидеров этнических меньшинств, который я возглав-

ляю, объединяет 56 организаций 20-ти диаспор и действует при движении «Многоязычная Грузия». Благодаря нашим усилиям, удается решать наиболее важные вопросы в такой щепетильной теме, как взаимоотношения между представителями различных народов и религий. Содействуем в выработке концепций национальной школы, билингвального образования, печатания продукции Центральной избирательной комиссии и Министерства образования на азербайджанском, армянском и русском языках. Мы организовывали встречи с президентом Грузии Георгием Маргвелашвили, мэром Тбилиси Давидом Нармания, вице-спикерами парламента Георгием Вольским, Леваном Иоселиани, Автандилом Энукидзе, руководителями крупнейших политических партий.

– Юбилей «Ариона» и альманаха совпали с вашим личным юбилеем. Насколько вы удовлетворены сделанным?

– Ну, тогда следует упомянуть и лекции по культурологии, которые я читаю в Еврейском университете, мое участие в многочисленных тренингах и семинарах в качестве фасилитатора, поездки на разные конгрессы. В 2008 году я выиграл грант USAID и провел месяц в США, а семь лет назад подписал в Пекине меморандум о сотрудничестве редактируемой мною «Многоязычной Грузии» с ведущей китайской газетой «Жэньмин Жибао». Много пишу, на моем счету свыше 8500 публикаций, не считая книг и брошюр. Постоянно пополняю домашнюю библиотеку, читаю «толстые» литературные журналы, не пропускаю ни одной премьеры во всех тбилисских театрах, ни одного гастролера. И хотя я люблю получать награды, главное для меня – любовь. Любовь моих близких, коллег, учеников, которые, даже разъехавшись в разные страны, не забывают поздравлять меня со всеми праздниками, а в интернете завели страничку «МЮ» (я ведь Михаил Юрьевич). Эта любовь и придает мне силы. Ради этого и стоит жить.

Большая утрата – ушла Вера Церетели, театральный критик, журналист, член редакционной коллегии журнала «Русский клуб», член International Federation of Journalists, член Союза журналистов и Союза театральных деятелей России, большой знаток русского и грузинского театра, наш верный друг, единомышленник и соратник.

Она родилась в 1944 году в Москве. Окончила Московский радио-механический техникум, театроведческий факультет ГИТИСа. Работала в Москве радиотехником в НИИ, актрисой в театре-студии «Жаворонок», корреспондентом журнала «Театральная жизнь». С 1975 года жила в Тбилиси. С 1992 года сотрудничала с радио «Свобода», с 1994 года была собкором «Общей газеты», газеты «Культура» по Грузии.

Участвовала в проектах «АртГруз» и «Ре:АртГруз» и их информационной поддержке в России и Грузии. Автор и координатор многоступенчатого проекта «Россия и Грузия – диалог через Кавказский хребет».

Нам остались ее статьи, интервью, рецензии. Их сотни! И они не стареют. Потому что ум и талант – это всегда ум и талант. А Вера Церетели была умна, талантлива, исключительно профессиональна. И вообще – она была такая одна. Не похожая ни на кого, своеобразная и необыкновенная.

Как хорошо, что мы успели порадовать Веру Александровну посвященной ей книгой Инны Безиргановой «Зеркало времени»! Кто же знал, что это наш последний подарок...

Сегодня в память о Вере Церетели мы публикуем небольшой фрагмент ее воспоминаний о том, как она стала грузинской невесткой и осталась в Тбилиси навсегда... Этот рассказ тоже вошел в книгу «Зеркало времени».

Выйти замуж за грузина? 35 лет назад – запросто! Тогда еще никто не знал, что «дружба народов окажется мифью», как сформулировал Рафик Нишанов...

Национальность? Да какая

ПРОЩАНИЕ И ВОСПОМИНАНИЕ...

была разница?

Однажды в моей московской квартире раздается звонок, и я слышу в трубке голос с жутким грузинским акцентом: «Па-а-просите Вэ-э-рочку». Я оторопела. В трубку сказала, что вы, наверное, ошиблись номером. Мы какое-то время еще препирались, выясняли номер телефона и, наконец, неизвестный сказал, что он от нашей знакомой из Тбилиси, и должен передать мне посылку. Все прояснилось, но поначалу шок был сильный.

Надо сказать, что сначала мы друг другу внешне совсем не понравились. Нам было просто интересно разговаривать, узнавать что-то новое. Будучи энергетиком по профессии, он любил музыку, закончил музыкальную школу, как полагалось в Тбилиси, и просто много знал, как все поколение «физиков-лириков». При встречах мы говорили о театре и музыке, он рассказывал о Грузии, читал стихи на грузинском. Мы доверяли друг другу даже какие-то личные секреты, и очень подружились. Через два года мы поняли, что не можем обходиться друг без друга, и решили пожениться. Хотя я знала, что Котэ хочет вернуться

в Тбилиси.

Наше решение было испытанием для родителей – и моих, и грузинских. Мой отец, суровый, сдержанный человек, и тот нервничал: «Может, тебя что-то заставляет, так ты скажи». Я, конечно, вспыхнула – как это может быть?! «Ну, если ты твердо решила, то знай, что должна взять фамилию мужа, в нашем роду так принято». А родители Котэ?

Только теперь я могу себе представить, что они думали тогда – как это их сын, будущий ученый, женится на русской, да еще на бывшей актрисе и нынешней журналистке?

Свадьба у нас была очень скромная, из Тбилиси родители Котэ прислали его сестру, на которую все в Москве заглядывались. Нам дали отгул для новобрачных – всего три дня – тогда так полагалось.

Мы стали жить с мужем в нашей двухкомнатной квартире вместе с моими родителями, и они очень полюбили Котэ. Мой строгий, неразговорчивый отец, кажется, впервые нашел себе понимающего собеседника. Он говорил: «Вот Костя – это человек». И никогда не садился ужинать, пока тот не придет с

Вера и Котэ Церетели

работы.

Отец сразу же прописал Котэ в нашей московской квартире, по окончании аспирантуры научный руководитель мужа оставил его работать в своей лаборатории НИИ, его там очень ценили. У нас родился сын. Все было замечательно. Мы даже надеялись, что Котэ передумает возвращаться... Когда сыну исполнилось полгода, Котэ сказал – пора! И мы пошли с ним в паспортный стол, чтобы он выписался из Москвы, иначе в те времена было нельзя. Пожилой начальник паспортного стола долго смотрел на нас и сказал: «Я сижу тут 20 лет, и первый раз вижу грузина, который не прописывается, а выписывается из Москвы».

И я впервые в жизни очутилась в Тбилиси. Тогда еще не знала, что навсегда. Июль – яркий свет, пронизывающее солнце, – то, чего мне всегда так не хватало в Москве. Из аэропорта приехали в тбилисский дворик в центре города, соседи в окошках, незнакомое крыльцо и распахнутые двери. Радужный прием, грузинский говор, восторг родителей от первого внука, который стал центром вселенной для этого дома. Прибывав с работы, все занимались только ребенком. Родителям мужа было уже все равно, кто невестка по национальности и профессии, и какая она.

Большой поддержкой для меня была младшая сестра мужа Медико, с которой мы подружились еще в Москве.

За кулисами театра им. Ш. Руставели

Несмотря на свою молодость, она стала моим советчиком, консультантом и гидом. Конечно, вместе с Котэ.

Помню, как в первый же день они повели меня показать наш убани. Мы спустились по Белинского, я как замороженная смотрела на замысловатые двери домов с чугунными завитками, потом мы пошли по Руставели, где тоже было на что посмотреть. Что меня удивило – вместо бегущих по делам людей в центре города неспешно прогуливались компании, причем, явно не туристов, а местных. После московской беготни это казалось нереальным.

Открытий было столько, что не перечислить. Главное из них – особый уклад жизни тбилисского двора. Летом у всех двери нараспашку, соседи разговаривают друг с другом с балконов, кто выбивает ковры, кто перетряхивает подушки и матрасы, на натянутых во дворе веревках выставка одежды и белья. В общем, жизнь нараспашку, и все знают о соседях все. Большая коммуналка... Запросто забегают, если нет зелени, мацони или чего еще. Идешь по своей улице, все здороваются, приходишь в булочную, тебе горят, ваш муж уже купил хлеб.

Помню, как сразу после приезда мы поехали в Кахетию, там я впервые увидела осликов с тележками и поклажами, а утром ужасно испугалась ослиного крика.

Виноградники меня просто поразили: ряды виноградных лоз с еще зеленым виногра-

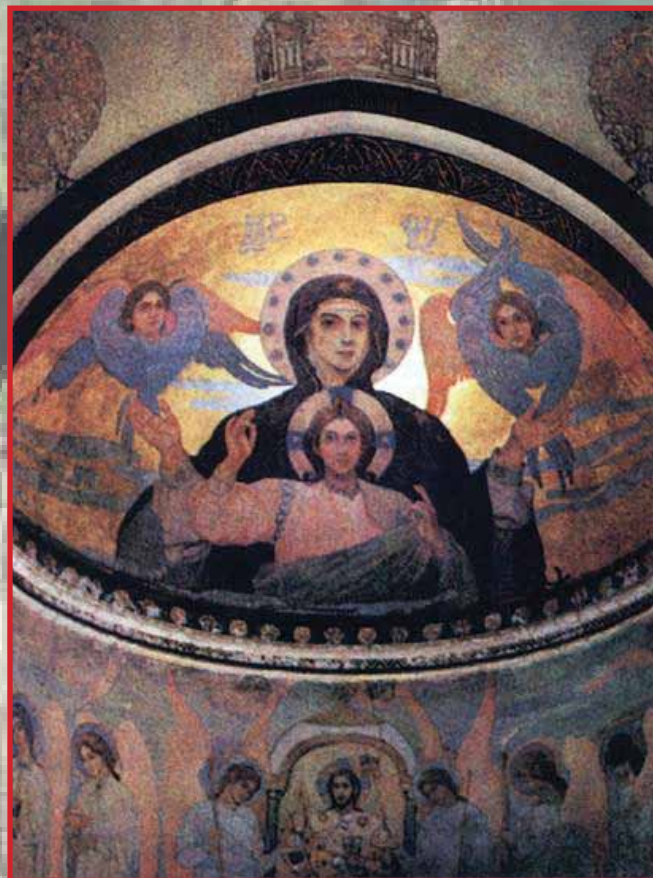
дом, редкие деревья и столько солнца! А вечерами с бабушкой Котэ Шушаной мы сидели у камина и разговаривали – она по-грузински, я по-русски, и нам было так хорошо, а главное, все понятно!

...Я познакомилась с тбилисскими редакциями, стала сотрудником «Молодежки», там был замечательный коллектив молодых журналистов. Писать о грузинской культуре тех лет было одно удовольствие. Я ходила на спектакли, сидела на репетициях, бывала на съемках и в мастерских художников. Творческая жизнь вокруг кипела и бурлила, а творческая свобода поражала. Для меня открылся новый мир, который мне казался гораздо шире и интереснее московской культурной жизни, подавленной тисками официоза и строжайшей цензуры. Я ездила в командировки по всей Грузии – от горных регионов до моря. И Грузия стала такой близкой, понятной, хотя всегда неожиданной и интересной. О возвращении в Москву уже не было речи.

...Почему и тем, и другим политикам так ненавистно само словосочетание Тбилиси – Москва? Ну, хотя бы на доске объявлений в аэропорту? Оказывается, как приятно было когда-то приехать в аэропорт и слышать по радио: «Внимание! Объявляется посадка на самолет, следующий рейсом 936 по маршруту Тбилиси – Москва». Что имеем – не храним, потерявши – плачем.

Михаил Нестеров. Автопортрет.

Стены храма св. Александра Невского в Абастумани (Грузия), возведенного по инициативе великого князя Георгия Александровича, украшают росписи Михаила Нестерова.

31 мая исполняется 160 лет со дня рождения художника.

